

**Линкольн Чайлд
Дуглас Престон
Гора Дракона
Серия «The Big Book»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6741719*

*Гора Дракона : роман / Дуглас Престон, Линкольн Чайлд: Эксмо, Домино; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10249-1*

Аннотация

«Маунт-Дрэгон» – загадочный исследовательский комплекс, спрятанный в пустынной местности, возле горы Дракона. Здесь под руководством величайшего гения планеты Брента Скоупса группа ученых в строжайшей тайне работает над изобретением вещества, которое, возможно, навсегда избавит человечество от болезней. Неожиданно один из ученых выясняет, что это чудодейственное средство – неокровь – вызывает у испытуемых ужасные генетические изменения и способно привести не к процветанию, а к вымиранию человеческой расы. Однако Скоупс уверен в непогрешимости своих идей и готов распространить новый продукт во всем мире...

Содержание

Благодарности	5
Пролог	7
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Линкольн Чайлд, Дуглас Престон Гора Дракона

Douglas Preston and Lincoln Child

MOUNT DRAGON

Copyright © 1996 by Douglas Preston and Lincoln Child

All rights reserved

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Джерому Престону-старшему –
Дуглас Престон*

*Лючи, моим родителям и Нине Соллер –
Линкольн Чайлд*

Благодарности

Прежде всего мы хотим поблагодарить наших агентов Харви Кодингера и Мэтью Снай-дера из Си-эй-эй. Джентльмены, мы поднимаем в вашу честь стаканы с односолодовым виски, сделанным в высокогорьях Шотландии: этот проект не осуществился бы без вашей помощи и поддержки.

Мы также хотим выразить свою признательность следующим людям из «Тор-Фордж»: Тому Доэрти, чья проницательность и поддержка всегда оставались с нами; Бобу Глисону за то, что с самого начала в нас поверил; Линде Квинтон за ее полезные советы по маркетингу; Наталии Апонте, Карен Лоуэлл и Стивену де Лас Герас за постоянную помощь в создании этой книги.

С технической точки зрения мы бы хотели выразить свою признательность докторам медицины Ли Сакно, Браю Бенджамину и Тому Бенджамину, а также доктору философии Фрэнку Калабрезе.

Линкольн Чайлд хотел бы поблагодарить Денниса Келли, друга, бывшего босса и верного слушателя. Спасибо Джульетте за ее терпение и понимание. А также Крису Ингланду за объяснение непонятных терминов. Как поживаешь, Крис?

Довоенное банджо «Джибсон Гранада» и большая горсть шоколадного печенья Тони Тришке, музыканту, доверенному лицу и хорошему парню.

Дуглас Престон признателен своей жене Кристине, проехавшей с ним вместе через пустыню Хорнада-дель#Муэрто не меньше четырех раз, а также Селене, которая постоянно нам во всем помогала. Алетея доставила нам много радостных минут, когда жила с нами в лагере в Хорнаде, притом что ей тогда было всего три недели от роду. Спасибо за помощь моему брату Дику, автору «Горячей зоны». А также журналам «Смитсоnian» и «Нью-Мексико» за финансирование исследования древних испанских путей, проложенных через Хорнаду и известных под именем Камино-Реал-де-Тьерра-Адентро.

Уолтер Нельсон, Рэлифф Эннон и Сильвио Маццарезе сопровождали нас в верховой экспедиции в Хорнаде и были отличными спутниками. Мы также благодарим людей, которые любезно позволили нам проехать через их ранчо: Бена и Джейн Кейн с ранчо «Бар кросс»; Ивлина Файта с ранчо «Файт»; Шейна Шэннона, бывшего управляющего ранчо «Армандарис»; Тома Уоделла, нынешнего управляющего «Армандарис»; Теда Тернера и Джейн Фонду, владельцев «Армандарис», и Гарри Ф. Томпсона-младшего с ранчо «Томпсон». Габриэль Палмер, как всегда, очень помог нам с историческими сведениями.

Особая благодарность Джиму Эклсу с «Уайт-Сэндс мисайл» за незабываемую экскурсию по территории базы, занимающей 3200 квадратных миль. Мы хотим извиниться за вольности в описании «Уайт-Сэндс», который, вне всякого сомнения, является одним из лучших (что касается заботы об окружающей среде) армейских полигонов в стране. Разумеется, места под названием гора Дракона на территории «Уайт-Сэндс мисайл» не существует.

И наконец, мы благодарны всем, кто помогал нам с книгой «Гора Дракона» и другими нашими романами: Джиму Кашу, Ларри Берну, Марку Галахеру, Крису Янго, Дэвиду Томсону, Бэю и Энн Рабинович, Брюсу Свонсону, Эду Семплу, Алану Монтуру, Бобу Уинкотту; системным администраторам литературного форума «Компьюсерв» и всем остальным – их так много, что мы просто не в состоянии назвать каждого. Ваш энтузиазм позволил этой книге появиться на свет.

*Наши символы кричат во вселенной,
Они летят, точно охотничьи стрелы,
В ночное небо.*

*Или вонзают копья в плоть.
Они мчатся, словно пожар по равнине,
Который гонит перед собой буйвола.*

Франклин Батт

*Одно окно, открывающееся на Апокалипсис, – это более чем
достаточно.*

Сьюзан Райт, Роберт Л. Синшеймер.

Бюллетень ученых-атомщиков

Пролог

Над длинной зеленой лужайкой плыли звуки, такие тихие, что они могли показаться криками воронов в расположенном поблизости лесу или далеким ревом мула на ферме на другом берегу темной реки. Мирный покой весеннего утра почти ничто не нарушало. Нужно было очень внимательно прислушиваться, чтобы понять, что это крики боли.

Массивное административное здание «Фезервуд-парк» частично скрывалось под старыми тополями. От главного входа через сквозной проезд медленно отъезжала частная машина «скорой помощи», из-под колес во все стороны летели камешки с выложенной гравием дорожки. Где-то с шипением закрылся пневматический замок.

Маленькая белая дверь без вывески в торце здания предназначалась для персонала. Ллойд Фосси подошел к ней и рассеянно набрал код. Он пытался удержать в голове звуки Фортепианного концерта Дворжака, потом нахмурился и сдался. Здесь, в тени здания, крики казались гораздо громче.

На посту медсестры, заваленном горами бумаг, звонили телефоны.

– Доброе утро, доктор Фосси, – поздоровалась медсестра.

– Доброе утро, – ответил он, довольный тем, что в этом переполохе она умудрилась ему улыбнуться. – У нас тут сегодня как на Центральном вокзале.

– Рано утром привезли двоих, одного за другим, – сказала она, заполняя формы и одновременно протягивая ему карточки. – А теперь еще этот. Думаю, вы уже про него знаете.

– Его довольно хорошо слышно. – Фосси открыл карточку и принялся искать в нагрудном кармане ручку. – Этот крикун достался мне?

– Его взял доктор Гэрриот, – ответила медсестра и подняла голову. – Ваш первый.

Где-то открылась дверь, и неожиданно крики стали громче; в качестве контрапункта их сопровождало несколько взволнованных голосов. Затем дверь захлопнулась, и вернулись обычные звуки офиса.

– Я хочу посмотреть данные по госпитализации, – сказал Фосси, возвращая карточки, и взял папку с зажимом.

Он быстро просмотрел основные показатели, обратил внимание на пол пациента и его возраст, одновременно пытаясь мысленно воспроизвести мелодию Анданте Дворжака. Его глаза остановились на словах «отделение принудительной госпитализации».

– Вы видели, как его привезли? – тихо спросил он.

Медсестра покачала головой:

– Поговорите с Уиллом. Он доставил пациента вниз примерно час назад.

В отделении принудительной госпитализации в «Фезервуд-парк» было только одно окно, на посту охраны; оно выходило на лестницу, которая вела в подвал второго отделения. Доктор Фосси нажал на кнопку звонка, и за плексигласовой панелью мелькнули бледное лицо и лохматая голова Уилла Хартанга. Уилл исчез из виду, и дверь открылась автоматически, издав звук, похожий на пистолетный выстрел.

– Как поживаете, док? – сказал Уилл, вернулся за свой стол и отложил в сторону сонеты Шекспира.

– Я совершенно счастлив, мистер У. Х., – ответил Фосси, посмотрев на книгу.

– Очень смешно, доктор Фосси. Вы погубили свои таланты, став врачом.

Уилл протянул ему журнал и громко чихнул. У дальнего конца стойки новый санитар заполнял медицинские формуляры.

– Расскажи мне про пациента, которого привезли рано утром, – попросил Фосси.

Он расписался в журнале и вернул его Уиллу, одновременно сунув под мышку папку с металлическим зажимом.

– Застенчивый парень, – пожав плечами, ответил Уилл. – Не слишком разговорчив. – Он снова пожал плечами. – И неудивительно, учитывая, сколько он в последнее время принял халдола.

Фосси нахмурился, снова открыл папку и на сей раз принялся внимательно изучать записи, сделанные в приемном покое.

– Боже праведный! Сто миллиграммов за двенадцать часов!

– Похоже, ребята из Центрального госпиталя в Альбукерке не жалеют лекарств, – заметил Уилл.

– Я сделаю назначения, после того как осмотрю пациента, – сказал Фосси. – А пока никакого халдола. Я не смогу как следует оценить его состояние, если он превратится в овощ.

– Он в шестой палате, – сказал Уилл. – Я вас провожу.

Табличка на внутренней двери большими красными буквами предупреждала: «Внимание, опасность самовольного ухода». Новый санитар впустил их внутрь, тихонько насвистывая.

– Ты знаешь, как я отношусь к помещению пациента в принудительное отделение до того, как ему поставлен диагноз, – сказал Фосси, когда они с Уиллом зашагали по тускло освещенному коридору. – Это накладывает определенный отпечаток на его пребывание в нашей больнице, влияет на перспективы лечения и может отбросить нас назад еще до того, как мы начнем с ним работать.

– Прошу меня простить, доктор, но я смотрю на это иначе, – ответил Уилл, остановившись около ободранной черной двери. – Альбукерке выдал нам очень четкие указания по этому поводу.

Он отпер дверь и снял тяжелый засов.

– Хотите, чтобы я вошел с вами? – с сомнением спросил он.

Фосси покачал головой:

– Я позову, если он слишком возбудится.

Пациент лежал на спине на огромных носилках для транспортировки, с вытянутыми по бокам руками и выпрямленными ногами. Стоя около двери, Фосси не мог разглядеть его лицо, лишь крупный нос и заросший щетиной выпяченный подбородок. Доктор тихо закрыл дверь и шагнул вперед; он никак не мог привыкнуть к тому, как мягкое покрытие пола пружинит под ногами. Он не сводил глаз с человека на носилках. Под толстыми брезентовыми ремнями, оплетавшими тело, точно патронташ, медленно и ритмично поднималась и опускалась грудь. Другой ремень надежно удерживал кожаные кандалы на щиколотках.

Фосси взял себя в руки и откашлялся, дожидаясь реакции пациента.

Затем он направился к носилкам, мысленно производя в уме расчеты. Четырнадцать часов после выписки из Центрального госпиталя в Альбукерке. Вряд ли он ведет себя так тихо из-за действия халдола.

Он снова откашлялся.

– Доброе утро, мистер... – начал он и посмотрел в папку, которую держал в руке.

– Доктор Франклин Барт, – послышался тихий голос с носилок. – Прошу меня простить за то, что не встаю, чтобы пожать вам руку, но, как видите...

Он не закончил предложение.

Потрясенный Фосси подошел ближе, чтобы взглянуть на лицо пациента. Доктор Франклин Барт. Он знал это имя.

Он снова посмотрел на карточку и перевернул верхнюю страницу. Да вот: доктор Франклин Барт, специалист по молекулярной биологии. Ученый, доктор наук, медицинская школа

университета Джонса Хопкинса. Старший научный сотрудник, исследовательская лаборатория «Джин-Дайн», расположенная в пустыне. Кто-то поставил вопросительные знаки около графы «работа».

– Доктор Барт? – с изумлением спросил Фосси и снова посмотрел на лицо пациента.

Серые глаза удивленно сфокусировались на нем.

– Мы знакомы?

Лицо было тем же самым – немного старше, разумеется, и более загорелым, чем он помнил, но по-прежнему почти лишенным тех знаков, которые заботы и проблемы оставляют на лбу и в уголках глаз. На одном виске он заметил марлевую повязку и обратил внимание на то, что глаза Барта сильно покраснели.

Врач был потрясен. Он посещал лекции этого человека. В определенном смысле его собственная карьера сложилась благодаря восхищению перед харизматичным, остроумным профессором. Что он здесь делает, связанный, в комнате с обтянутыми толстыми матами стенами?

– Я Ллойд Фосси, доктор, – представился Фосси. – Я присутствовал на вашей лекции на медицинском факультете в Йельском университете. А потом мы с вами немного поговорили. Про синтетические гормоны...

Врач почувствовал, как его сознание тянется к человеку, лежащему на носилках, умоляет его вспомнить.

Прошло короткое мгновение, Барт вздохнул и едва заметно кивнул.

– Да. Прошу меня простить. Конечно. Вы возражали мне по поводу связи между синтетическим эритропоэтином¹ и образованием метастазов.

Фосси почувствовал, как спадает внутреннее напряжение.

– Я польщен тем, что вы про это не забыли, – сказал он.

Барт, казалось, колебался несколько мгновений, словно над чем-то раздумывал.

– Я рад, что вы практикуете, – сказал он наконец, и его губы дрогнули, как будто его слегка развеселила необычная ситуация.

Больше всего на свете Фосси хотелось заглянуть в папку, которую он держал в руке. Ему требовалось внимательно прочитать медицинское заключение и назначения, отыскать объяснение случившемуся. Но он чувствовал, что Барт на него смотрит и понимает, о чем он думает.

Против воли Фосси его глаза опустились вниз и принялись изучать напечатанные колонки на карточке. Он мгновенно поднял их, но успел прочесть слова: «быстро развивающийся психоз»... «ярко выраженный бред»... «быстрая нейрорептизация».

Доктор Барт спокойно на него смотрел.

Чувствуя необъяснимое смущение, врач взял пациента за запястье, нащупав пульс под брезентовыми ремнями. Барт моргнул, облизнул пересохшие губы, потом глубоко вдохнул сырой подвальный воздух.

– Я ехал на север из Альбукерке, – сказал он. – Вы знаете, где я сейчас работаю.

Фосси кивнул. Когда Барт ушел в частную компанию и перестал публиковаться, среди коллег пошли обычные разговоры об «утечке мозгов».

– Мы проводим эксперименты, воздействуя на поведенческие схемы шимпанзе. У нас маленькая лаборатория, и мы много делаем сами. Я получил кое-какое специальное оборудование и патентованные вещества в отделении «Джин-Дайн» в Альбукерке. Включая препарат для анализов, разработанный нами, синтетическое производное фенциклидина², находящее в газообразном виде.

---

¹ Эритропоэтин – один из гормонов, выделяемых почками.

² Фенциклидин (полное название фенилциклогексилпиперидин, сокращенное англ. РСР) – синтетический препарат

Фосси снова кивнул. Пи-си-пи в газообразном виде. «Ангельская пыль», которую можно вдыхать, точно веселящий газ. Необычное использование денег, выделяемых на научные исследования.

Барт наблюдал за глазами Фосси, потом слегка улыбнулся или поморщился. Фосси понял, что не знает, как трактовать его реакцию.

– Мы сравнивали частоту дыхания с уровнем капиллярной абсорбции. Короче говоря, я возвращался назад. Я устал, и у меня было рассеянное внимание. Я съехал с дороги в каменистый овраг сразу за Лас-Лунас. Ничего серьезного. Если не считать того, что у меня отказали тормоза.

Фосси фыркнул. Да, такое возможно. Он знал, что может сделать с нормальным человеком даже самая простая «ангельская пыль». В солидных дозах она вызывает агрессивное, безумное поведение. Он видел это лично. Вот и объяснение красным глазам.

В палате воцарилась тишина. Врач обратил внимание, что зрачки у Барта не увеличенные, нормального цвета. Небольшая тахикардия, но Фосси не сомневался, что, если бы его привязали к носилкам в специальном помещении, обитом мягким материалом, его сердце тоже билось бы быстрее обычного. Он не видел никаких признаков психоза, мании или чего-то в этом роде.

– Я не очень хорошо помню, что было потом, – сказал Барт, и впервые на его лице появилось страдальческое выражение. – Разумеется, у меня не было никаких документов, кроме водительских прав. Амико, моя жена, сейчас в Венеции с сестрой. Больше у меня никого нет. Меня накачали лекарствами. Боюсь, я не слишком внятно излагал свои мысли.

Фосси его слова несколько не удивили. Неизвестный, попавший в автомобильную аварию, под действием наркотиков, возможно, буйный, твердит, что он известный ученый, занимающийся молекулярной биологией. В каком приемном покое, вечно переполненном пациентами, такому поверят? Легче диагностировать психическое расстройство. Фосси поджал губы и покачал головой. Кретины.

– Благодарение богу, я встретил вас, Ллойд, – сказал Барт. – Вы даже представить себе не можете, какой это был кошмар. Кстати, а где я?

– «Фезервуд-парк», доктор Барт, – ответил он.

– Так я и подумал, – кивнув, проговорил ученый. – Я уверен, вы разберетесь с тем, что произошло. Можете позвонить в «Джин-Дайн», если хотите, прямо сейчас. Я опоздал, и они, вне всякого сомнения, волнуются.

– Обещаю, доктор Барт, мы так и сделаем, – заверил его Фосси.

– Спасибо, Ллойд, – ответил Барт и слегка поморщился. Теперь Фосси в этом был уверен.

– Что-то не так? – тут же спросил он.

– Мои плечи, – сказал Барт. – Ничего страшного, просто немного болят оттого, что они прижаты к носилкам.

Фосси колебался всего одно короткое мгновение. Действие пи-си-пи, а также халдола в основном уже прекратилось. Но главное, что Барт смотрел на него совершенно спокойными глазами. В них не было внутренней нервозности, которая появляется, когда пациент только притворяется нормальным.

– Давайте я сниму ремни на груди, и вы сможете сесть, – сказал он.

Барт с облегчением улыбнулся.

– Огромное спасибо. Надеюсь, вы понимаете, я не хотел вас об этом просить. Я же знаю правила.

– Простите, что не сделал этого сразу, доктор Барт, – ответил Фосси, затем наклонился над ремнями и дернул застежку.

Он разберется с этой комедией, сделав несколько телефонных звонков. А затем скажет пару ласковых слов врачу «скорой» из Центрального госпиталя Альбукерке. Ремень был затянут очень туго, и он собрался позвать на помощь Уилла, но потом решил, что справится сам. Уилл всегда и во всем придерживался инструкций.

– Так намного лучше, – заявил Барт, осторожно сел и обхватил себя руками, а затем принялся шевелить плечами, чтобы размять мышцы. – Вы даже не представляете, что такое неподвижно лежать в течение нескольких часов. Мне уже пришлось это испытать, я лежал десять часов после ангиопластики. Настоящий ад.

Он подвигал затянутыми ремнями ногами.

– Нам нужно будет сделать несколько анализов, прежде чем мы вас отпустим, доктор, – сказал Фосси. – Я сейчас приглашу дежурного психиатра. Если только вы не хотите сначала немного отдохнуть.

– Нет, спасибо, – ответил пациент и, подняв руку, потер сзади шею. – «Сейчас» меня вполне устроит. Как-нибудь, когда мы все вернемся домой, на восток, вы должны прийти к нам на обед и познакомиться с Амиго.

Его рука потянулась к щеке, поползла вверх.

Стоя около носилок, Фосси делал записи в карточке и неожиданно услышал резкий вдох, затем словно скрежет спички по коробку. Он повернулся и увидел, что Барт сдирает марлевую повязку со своего виска.

– Видимо, вы поранили голову во время аварии, – сказал врач и резко захлопнул папку. – Мы вам сейчас сделаем новую повязку.

– Бедный Альфа, – пробормотал Барт, который не сводил глаз с окровавленного бинта.

– Что вы сказали? – спросил Фосси и шагнул вперед, чтобы взглянуть на рану.

Франклин Барт неожиданно подскочил вверх и ударил головой в подбородок врача, а потом повалился на носилки. Передние зубы Фосси вонзились в язык, когда он отскочил назад, рот наполнился теплой жидкостью.

– Бедный Альфа! – кричал ученый, пытаясь сорвать ремни на щиколотках. – БЕДНЫЙ АЛЬФА!

Фосси упал, отполз на безопасное расстояние и принялся звать на помощь Уилла, но его слабые стоны захлестнула волна громких воплей. Хартанг ворвался в палату, когда Барт снова сильно дернулся и повалился вместе с носилками на пол. Он размахивал руками, щелкал зубами, пытался высвободиться из ремней.

Все происходило стремительно, но врач начал немного успокаиваться. Он видел, как Уилл и санитар сражаются с пациентом, пытаясь поправить носилки. Человек рвал зубами собственные запястья, дергая головой, словно собака, которая схватила кролика, и неожиданно на очки санитара, точно табачная слюна, брызнула кровь. Они прижали руки Барта к носилкам, с силой фиксируя извивающееся тело и стараясь застегнуть толстые ремни. Одновременно Уилл дотянулся до кнопки сигнала тревоги. Но крики продолжались, Фосси знал, что так и будет.

Часть первая

Снова застряв на светофоре, Ги Карсон посмотрел на часы на приборной доске. Он опоздал на работу, во второй раз за неделю. Впереди, через Эдисон, Нью-Джерси, тянулась федеральная автомагистраль номер один, похожая на страшный сон. Загорелся зеленый свет, но, когда Карсон подъехал к перекрестку, снова включился красный.

– Вот черт! – выругался Карсон и хлопнул ладонью по приборной доске.

Он наблюдал за тем, как дождь стекает по ветровому стеклу, и слушал тихое шуршание «дворников». Перед ним горели бесконечные огни стоп-сигналов, которые указывали на то, что движение опять застопорилось. Он знал, что никогда не сможет привыкнуть к жутким пробкам и к бесконечному дождю.

Мучительно медленно поднимаясь на холм, Карсон видел всего в полумиле впереди ослепительно-белый фасад комплекса «Джин-Дайн», который базировался в Эдисоне; шедевр постмодернизма, возвышающийся над зелеными лужайками и искусственными прудами. Где-то там затаился Фред Пек.

Карсон включил радио, и машину наполнил пульсирующий грохот «Gangsta Muthas». Он принялся крутить ручку настройки, и сквозь помехи проник голос Майкла Джексона. Карсон с отвращением выключил приемник. Некоторые вещи даже хуже, чем мысли о Пеке. Почему в этой дыре нет приличной станции, которая передавала бы песни в стиле кантри?

Когда он вошел, в лаборатории кипела жизнь, Пека нигде не было видно. Карсон натянул халат на худое тело и сел за свой терминал, зная, что время прихода автоматически будет отправлено в его личный файл. Если случилось чудо и руководитель заболел, он все узнает, когда вернется. Если, конечно, не умрет. Да, об этом стоит подумать. Он выглядит так, словно у него вот-вот случится сердечный приступ.

– О, мистер Карсон, – послышался у него за спиной насмешливый голос. – Как мило с вашей стороны почтить нас своим присутствием сегодня утром.

Карсон закрыл глаза, сделал глубокий вдох и только затем обернулся.

Дряблое тело его начальника окружал ореол флуоресцентного света. На коричневом галстуке Пека остались следы яиц всмятку, которые он ел на завтрак, а обвислые щеки еще не приобрели естественного цвета и были красными после бритвы. Карсон выдохнул через нос, но потерпел сокрушительное поражение в борьбе с тяжелым ароматом «Олд спайс».

В свой первый день в «Джин-Дайн», одной из выдающихся компаний, которая занималась биотехнологиями, Карсон испытал потрясение, когда обнаружил, что его там поджидает Фред Пек. За прошедшие с тех пор восемнадцать месяцев начальник делал все, что было в его силах, чтобы загружать Карсона самой грязной лабораторной работой. Ученый полагал, что это связано с тем, что Пек имел степень магистра, полученную в университете Сиракуз, а он сам – доктора в Массачусетском технологическом институте. Возможно, Пек просто не любил выходцев с юго-запада.

– Извините за опоздание, – сказал он, надеясь, что его голос звучит искренне. – Я застрял в пробке.

– В пробке, – сказал начальник так, словно впервые слышал это слово.

– Да, они изменили маршруты движения... – начал Карсон.

– Изменили маршруты, – повторил Пек, передразнивая западный говор своего подчиненного.

– Я хотел сказать, что они разворачивают машины у шлагбаума в Джерси...

– Понятно, шлагбаум, – проговорил Пек.

Карсон замолчал.

Начальник откашлялся.

– Движение в Нью-Джерси в час пик. Судя по всему, для вас оно стало неожиданным потрясением, Карсон. – Он скрестил на груди руки. – Вы чуть не опоздали на совещание.

– Совещание? – удивленно переспросил тот. – Какое? Я не знал...

– Разумеется, вы не знали. Я и сам только что о нем услышал. Кстати, это одна из причин, по которой вы обязаны приходите на работу вовремя.

– Да, конечно, мистер Пек, – сказал Карсон, встал и последовал за начальником мимо лабиринта одинаковых кабинок.

За мистером Фредом Пеком-дубом. Сэром Фредериком Пеком-салом. Карсону отчаянно хотелось врезать жирному наглецу. Но здесь так не принято. Если бы этот тип был управляющим на ранчо, он бы уже давно валялся в грязи.

Пек открыл дверь с надписью «Зал видеоконференций номер два» и знаком велел подчиненному войти. Только окинув взглядом большой пустой стол, Карсон сообразил, что он все еще в своем грязном лабораторном халате.

– Садитесь, – сказал Пек.

– А где все? – спросил Карсон.

– Только вы, – ответил начальник и направился к двери, собираясь выйти.

– А вы не останетесь? – Карсон почувствовал, что его охватывает беспокойство, и попытался понять, не пропустил ли он какое-то важное электронное письмо, не должен ли был что-то сделать. – И вообще, что происходит?

– Понятия не имею, – ответил Пек. – Карсон, когда вы освободитесь, зайдите ко мне в кабинет. Нам нужно поговорить про ваше отношение к работе.

Дверь с грохотом захлопнулась – дуб соприкоснулся с металлом. Карсон с опаской сел за стол из вишневого дерева и огляделся по сторонам. Красивое помещение, отделанное светлыми панелями, отполированными вручную. Застекленная стена выходила на лужайки и пруды комплекса «Джин-Дайн». Дальше тянулись бесконечные городские пустыри. Карсон попытался приготовить к испытаниям, которые его ждали. Возможно, Пек отослал достаточное количество отрицательных отзывов о его работе и теперь его ждет суровая лекция от начальства или даже нечто худшее.

В каком-то смысле Пек прав: его отношение к делу действительно было не идеальным. Ему следовало избавиться от ослиного упрямства, сгубившего его отца. Карсон никогда не забудет тот день на ранчо, когда отец избил представителя банка. Это стало началом процедуры лишения права выкупа заложенного имущества. Его отец был самым страшным врагом самому себе, и Карсон твердо решил не повторять его ошибок. В мире полно Пеков.

Но то, что последние полтора года его жизни в буквальном смысле отправились псу под хвост, было просто возмутительно. Когда ему предложили работу в компании, он решил, что в его карьере наступил переломный момент, то, ради чего он уехал из дома и на что потратил столько усилий. А главное, именно в «Джин-Дайн» он мог сделать что-то важное и изменить свою жизнь. Но каждый день он просыпался в ненавистном Джерси, в маленькой чужой квартирке, видел серое промышленное небо и Пека, и его все больше охватывали сомнения, что это когда-нибудь произойдет.

Свет в конференц-зале потускнел и погас. Шторы на окнах автоматически сдвинулись, и из стены появилась огромная панель, открыв ряд клавиатур и громадный проекционный экран.

Он засветился, и на нем появился человек. Карсон замер на месте. Он смотрел на оттопыренные уши, песочного цвета волосы, непослушный чуб, толстые очки, черную футболку с логотипом, сонное, циничное выражение лица. Все это вместе составляло облик Брентвуда Скоупса, создавшего «Джин-Дайн». Рядом с диваном в гостиной Карсона лежал экземпляр «Таймс» с фотографией Скоупса на обложке и большой статьей про него, генерального

директора, правящего своей компанией из киберпространства. Его высоко ценили на Уолл-стрит, обожали служащие и боялись конкуренты. Что это, воспитательный фильм для особо тяжелых случаев?

– Привет, – сказала изображение Скоупса. – Как поживаешь, Ги?

На мгновение Карсон потерял дар речи. «Боже праведный, – подумал он, – это вовсе не запись».

– Ммм, здравствуйте, мистер Скоупс. Сэр. Хорошо. Извините меня за мой вид.

– Пожалуйста, называй меня Brent. И повернись лицом к экрану, когда говоришь. Мне так лучше тебя видно.

– Да, сэр.

– Никаких «сэр». Brent.

– Хорошо. Спасибо, Brent.

Ему было невыносимо трудно называть главу «Джин-Дайн» по имени.

– Я отношусь к своим служащим как к коллегам, – сказал Скоупс. – Ведь когда ты начал работать в компании, ты стал ее совладельцем, как и все остальные. Тебе принадлежат акции, а это означает, что мы все вместе взлетим вверх или рухнем в пропасть.

– Да, Brent.

За спиной главы корпорации Карсон видел тусклые очертания огромного подвала, или чего-то в этом роде, в форме многоугольника.

Скоупс улыбнулся, словно испытывал бесстыдное удовольствие, когда слышал свое имя, и, глядя на его улыбку, Карсон подумал, что директор похож на подростка, несмотря на то что ему уже тридцать девять. Глядя на экран, ученый терял ощущение реальности. С какой стати Скоупс, мальчик-гений, человек, превративший несколько древних зернышек в компанию стоимостью в четыре миллиарда долларов, станет с ним разговаривать? «Господи, похоже, я влип сильнее, чем предполагал», – подумал он.

Скоупс на мгновение опустил глаза, и Карсон услышал стук клавиш.

– Я изучил твои анкетные данные, Ги, – сказал директор. – Очень впечатляет. Я понимаю, почему мы взяли тебя в нашу компанию. – Опять стук клавиш. – Только меня удивляет, по какой причине ты работаешь лаборантом третьего класса.

Глава корпорации поднял голову.

– Ги, ты простишь меня, если я сразу перейду к делу? В нашей фирме есть вакантный солидный пост. Я думаю, ты как раз тот человек, который для него подходит.

– Какой? – выпалил Карсон и тут же пожалел о своем волнении.

Скоупс снова улыбнулся.

– Я сожалею, что не могу сообщить тебе детали, но это исключительно конфиденциальный проект. Я уверен, что ты поймешь меня, если я расскажу тебе о нем в общих чертах.

– Да, сэр.

– Неужели я в твоих глазах выгляжу «сэром», Ги? Еще совсем недавно я был безмозглым юнцом, которого поколачивали на школьном дворе. Могу тебе сообщить, что речь идет о самом важном продукте, который когда-либо выпускала наша компания. И он станет бесценным для человечества.

Скоупс увидел выражение, появившееся на лице ученого, и ухмыльнулся.

– Это же здорово, когда ты можешь помочь людям и одновременно стать богатым, – сказал он и наклонился ближе к камере. – Мы предлагаем тебе шестимесячный контракт на работу в лаборатории «Джин-Дайн», расположенной в пустыне, далеко от населенных мест. В комплексе «Маунт-Дрэгон». Ты станешь членом маленькой, но целеустремленной команды самых лучших микробиологов в стране.

Карсон почувствовал, что его охватывает возбуждение. Слово «Маунт-Дрэгон» было в компании магическим заклинанием, волшебной страной, где царила наука.

Кто-то невидимый положил около локтя Скоупса коробку с пиццей. Он бросил на нее взгляд, открыл, потом закрыл крышку.

– Анчоусы. Знаешь, что говорил Черчилль об анчоусах? «Деликатес, который обожают английские аристократы и итальянские шлюхи».

На мгновение воцарилась тишина.

– Значит, я отправлюсь в Нью-Мексико? – спросил Карсон.

– Точно. Твои родные места, если я не ошибаюсь.

– Я вырос в Бутхиле, в местечке под названием Коттонвуд-Тэнкс.

– Я знал, что у него красивое название. Думаю, условия в «Маунт-Дрэгон» не покажутся тебе тяжелыми, в отличие от некоторых наших ученых. Изоляция и пустыня делают его трудным местом для работы. Но полагаю, ты даже получишь удовольствие. Там есть конюшни. Мне представляется, что, поскольку ты вырос на ранчо, ты хороший наездник.

– Кое-что про лошадей мне известно, – сказал Карсон, подумав, что шеф внимательно изучил его биографию.

– Впрочем, разумеется, времени кататься верхом у тебя будет не много. Должен честно сказать, тебя там выжмут как лимон. Но ты получишь за это хорошую компенсацию. Годовой оклад за полгода работы плюс бонус в пятьдесят тысяч, если вы добьетесь успеха. И естественно, моя личная благодарность.

Ученый пытался осмыслить услышанное. Один только бонус равнялся его нынешней зарплате.

– Ты, наверное, знаешь, что мои методы управления компанией несколько нетрадиционны, – продолжал Скоупс. – Я буду с тобой честен. Если ты не сумеешь справиться со своей частью проекта в отведенное время, ты будешь уволен. – Он ухмыльнулся, продемонстрировав слишком крупные передние зубы. – Но я несколько не сомневаюсь в твоих способностях. Я бы не стал предлагать тебе этот пост, если бы не думал, что он тебе по плечу.

– Я не могу понять, почему вы выбрали именно меня из огромного количества талантливых ученых, имеющих в вашем распоряжении? – не выдержал и спросил Карсон.

– Даже этого я не могу тебе сказать. Когда ты приедешь в «Маунт-Дрэгон» и тебе объяснят, в чем суть дела, все станет ясно. Это я тебе обещаю.

– Когда я должен начать?

– Сегодня. Компании необходим этот продукт, Ги, и у нас почти не осталось времени. Еще до ланча ты будешь сидеть в нашем самолете. Мне придется попросить кого-нибудь позаботиться о твоей квартире, машине и прочих досадных мелочах. У тебя есть подружка?

– Нет, – ответил Карсон.

– Это облегчает дело. – Скоупс безуспешно попытался пригладить чуб.

– А как насчет моего начальника, Фреда Пека? Я должен был...

– Нет времени. Бери свой ноутбук и в путь. Водитель отвезет тебя домой, чтобы ты собрал вещи и позвонил, кому потребуется. Я отправлю записку с объяснениями твоему... Как его зовут? Пек, кажется.

– Brent, я хочу, чтобы вы знали...

Владелец компании поднял руку.

– Прошу тебя. Выражения признательности заставляют меня чувствовать себя неуютно. «У надежды долгая память, а у благодарности – короткая». Хорошенько подумай над моим предложением минут десять. И никуда не уходи, Ги.

Экран погас в тот момент, когда Скоупс открыл коробку с пиццей.

В комнате зажегся свет, и ощущение нереальности происходящего сменилось ликованием. Карсон не имел ни малейшего представления, почему Скоупс выбрал из пяти тысяч обладателей ученой степени, работающих на «Джин-Дайн», именно его, целыми

днями занимавшегося бесконечным титрованием³ и тестами качества. Но сейчас ему было все равно. Он подумал о Пеке, который далеко не первым узнает о том, что Скоупс отправил его в «Маунт-Дрэгон». Представил выражение, которое появится на его толстом лице, и дрожащие от возмущения жирные щеки.

С легким шорохом раздвинулись шторы на окнах, открыв взгляду Карсона тоскливый пейзаж, пропитанный дождем. На сером фоне выделялись линии электропередач, столбы дыма и химических испарений, окутывающих центр Нью-Джерси. Далеко на западе находилась пустыня с ее вечным небом, синими горами на горизонте и острым запахом растений – место, где можно скакать верхом целый день и не увидеть ни одного человека. Где-то там находится «Маунт-Дрэгон» – шанс совершить нечто важное в жизни.

Через десять минут, когда шторы закрылись и экран снова ожил, Карсон уже знал, каким будет его ответ.

* * *

Карсон вышел на пологое крыльцо, бросил сумки около двери и сел в потрепанное непогодой кресло-качалку. Оно закрипело, когда старое дерево неохотно приняло на себя его вес. Он откинулся назад, потянулся и посмотрел на бескрайнюю пустыню Хорнада-дель#Муэрто.

Перед ним вставало солнце, поток горячего воздуха окутывал бледно-голубые очертания гор Сан-Андрес. Карсон почувствовал его жар на щеках, когда утренний свет залил крыльцо. Было еще достаточно прохладно – восемнадцать градусов, – но он знал, что меньше чем через час температура поднимется выше сорока. Темно-синее небо постепенно приобретало голубой оттенок; через некоторое время оно станет белым от жары.

Карсон посмотрел на грунтовую дорогу, убегающую от его дома. Ингл был типичным городком для пустыни Нью-Мексико, даже не умирающим, а давно мертвым. Тут и там были разбросаны глинобитные домики с наклонными крышами; пустующая школа и почта; ряд высохших тополей, с которых ветер давно сорвал все листья. Мимо дома проносились лишь пылевые смерчи. Ингл только в одном отношении являлся необычным городком – его целиком купила компания «Джин-Дайн» и использовала в качестве стартовой площадки для комплекса «Маунт-Дрэгон».

Карсон повернулся в сторону горизонта. Далеко на северо-востоке, в девяноста милях пыльного, пропеченного солнцем пути по песку и камням, который только местные жители могли называть дорогой, располагался комплекс с официальным названием «Базирующаяся в пустыне исследовательская лаборатория компании „Джин-Дайн“», известный всем по имени древней вулканической горы Дракона. Там располагался ультрасовременный центр «Джин-Дайн», где проводились работы по геной инженерии и изучались опасные микроорганизмы.

Карсон сделал глубокий вдох. Именно по запаху он скучал больше всего: по аромату пыли и мескитовых деревьев, пронзительно-чистому запаху, которым пропитан воздух. Нью-Джерси уже казался ему миражом из далекого прошлого. Он чувствовал себя так, будто его выпустили из сырой, переполненной людьми тюрьмы. Хотя банк забрал землю его отца, у него было ощущение, что здесь все принадлежит ему. И тем не менее странное получилось возвращение: он приехал не затем, чтобы выращивать скот, а для работы над неизвестным проектом на переднем крае науки.

---

³ Титриметрический анализ (титрование) – метод количественного анализа в аналитической и фармацевтической химии, основанный на измерении объема раствора реактива известной концентрации, расходуемого для реакции с определяемым веществом.

Там, где пыльный горизонт соединялся с небом, появилось пятно, которое через шестьдесят секунд превратилось в далекий столб пыли. Карсон понаблюдал за ним пару минут, а потом встал. Он вошел в ветхий домик, вылил остатки холодного кофе и ополоснул чашку.

Когда он огляделся по сторонам, пытаясь понять, что забыл упаковать, то услышал, как перед домом остановилась машина. Он вышел на крыльцо и увидел приземистые белые очертания «хаммера», гражданской версии «хамвея». Карсона окутало облако пыли, поднятой автомобилем, когда он остановился. Затемненные окна были закрыты, двигатель работал.

Из внедорожника вышел плотный, черноволосый, уже начавший лысеть мужчина. Он был одет в спортивную рубашку с короткими рукавами и шорты. Его доброе, открытое лицо потемнело от загара, и короткие ножки казались особенно белыми на фоне невероятно тяжелых ботинок. Незнакомец подскочил к нему, с деловым и веселым видом протянул пухлую руку.

– Вы мой водитель? – спросил Карсон, удивленный мягким рукопожатием, и надел на плечо холщовую сумку с вещами.

– В некотором роде, Ги, – ответил мужчина. – Меня зовут Сингер.

– Доктор Сингер! – вскричал Карсон. – Я не ожидал, что меня повезет сам директор комплекса.

– Пожалуйста, называй меня Джоном, – жизнерадостно проговорил Сингер, взял у Карсона сумку и открыл багажник «хаммера». – Здесь, в «Маунт-Дрэгон», мы все называем друг друга по именам. Разумеется, кроме Ная. Хорошо спал?

– За восемнадцать месяцев это моя лучшая ночь, – ухмыльнувшись, ответил Карсон.

– Извини, что мы не смогли приехать за тобой раньше, – сказал директор, засовывая сумку в багажник. – Но по правилам мы не имеем права передвигаться по комплексу после наступления темноты, а самолеты у нас используются только в самых крайних случаях. – Он окинул взглядом футляр, лежащий у ног Карсона. – Пять струн?

– Да.

Ученый подхватил футляр и спустился по ступеням.

– Ты что предпочитаешь: играть тремя пальцами, клохаммер⁴ или мелодичный стиль?

Карсон, пытавшийся пристроить банджо, замер и посмотрел на своего собеседника, который в ответ радостно рассмеялся.

– А это будет веселее, чем я думал, – сказал он. – Забирайся в машину.

Волна холодного воздуха окутала Карсона, когда он сел в «хаммер», удивившись тому, какие у него глубокие сиденья. Сингер находился от него почти на расстоянии вытянутой руки.

– У меня такое ощущение, будто я в танке, – сказал он.

– Это лучшее, что нам удалось найти для пустыни. Чтобы он остановился, нужен вертикальный склон. Видишь индикатор? Это датчик давления. В машине стоит система, работающая от компрессора. Нажимаешь на кнопку, и камеры надуваются или сдуваются, в зависимости от местности. Все «хаммеры», принадлежащие «Маунт-Дрэгон», снабжены шинами, на которых можно проехать тридцать миль после того, как они проколоты.

Они оставили скопление домиков позади и покатали по огражденной территории. Карсон видел, что во все стороны, насколько хватает глаз, тянется колючая проволока. Каждые сто футов ее отмечали таблички: «Внимание! На востоке начинается территория, принадлежащая Вооруженным силам США. Вход строго воспрещен. USMP».

---

⁴ Клохаммер-пикинг – игра с использованием большого пальца и мизинца.

– Мы въезжаем на полигон «Уайт-Сэндс мисайл рейндж», – сообщил Сингер. – Ты знал, что мы арендуем землю у Министерства обороны? Еще с тех времен, когда мы работали по военным контрактам.

Он направил машину в сторону горизонта и помчался по каменистой дороге, оставляя позади огромное облако пыли.

– Для меня большая честь, что вы лично за мной приехали, – сказал Карсон.

– Ерунда. Я люблю выбираться из лаборатории, когда появляется возможность. Не забывай, я всего лишь директор. Все остальные делают важную работу. – Он посмотрел на Карсона. – Кроме того, я рад, что мне представилась возможность поговорить с тобой. Думаю, я один из пяти человек на земле, кто прочитал и понял твою диссертацию «Третичные и четвертичные трансформации протеиновой структуры оболочки вирусов». Блестящая работа.

– Спасибо, – сказал Карсон.

Из уст бывшего профессора факультета биологии Калифорнийского технологического института это было серьезной похвалой.

– Разумеется, я прочитал ее только вчера, – подмигнув, сказал Сингер. – Скоупс мне ее прислал вместе с остальными сведениями о тебе.

Он откинулся назад, держась правой рукой за руль. Поездка стала довольно неприятной, когда «хаммер» увеличил скорость до шестидесяти миль в час и помчался по песку. Карсон почувствовал, как его собственная правая нога жмет на воображаемый тормоз. Сингер водил машину, как его отец.

– Что вы можете рассказать мне о проекте? – спросил он.

– А что конкретно ты хочешь знать? – вопросом на вопрос ответил Сингер и повернулся к Карсону, перестав смотреть на дорогу.

– В общем, я все бросил, собрался как на пожар и примчался сюда, – ответил тот. – Наверное, можно сказать, что мне любопытно.

Директор улыбнулся.

– До «Маунт-Дрэгон» еще очень далеко.

Он снова стал смотреть вперед как раз в тот момент, когда они пронеслись мимо юкки, да так близко, что зацепились за нее зеркалом. Сингер дернул руль, и машина вернулась на дорогу.

– У тебя, должно быть, такое ощущение, будто ты вернулся домой, – сказал он.

Ученый кивнул, поняв намек.

– Моя семья поселилась здесь очень давно.

– Насколько мне известно, раньше многих.

– Да. Кит Карсон был моим предком. Подростком он работал гуртовщиком на Старой испанской торговой дороге. Мой прадед купил землю в округе Идальго.

– И ты устал от жизни на ранчо? – спросил директор.

Его собеседник покачал головой.

– Мой отец был плохим бизнесменом. Если бы он занимался только фермой, все было бы хорошо, но его переполняли великие планы. Один из них заключался в скрещивании скота. Так я заинтересовался генетикой. У него тогда ничего не получилось, как, впрочем, и до этого, и банк забрал у нас землю.

Он замолчал, наблюдая за тем, как перед ними расстилается бесконечная пустыня. Солнце высоко поднялось в небе, и его свет из желтого стал белым. Вдалеке, у самого горизонта, мчалась пара вилорогих антилоп. Их было непросто заметить – серые полосы на сером фоне. Сингер тихонько напевал «Soldier's Joy».

Постепенно горизонт впереди начала заполнять черная вершина горы, вулканический купол с потухшим кратером. По его краям расположились радиовышки и УКВ-передатчики.

Вскоре Карсон уже разглядывал комплекс, который состоял из угловатых зданий, пристроившихся у подножия холма, белых и строгих, сверкающих на солнце, точно горсти соляных кристаллов.

– Вот мы и приехали, – сказал Сингер с гордостью и сбросил скорость. – «Маунт-Дрэгон». Твой дом на следующие шесть месяцев.

Вскоре вдалеке показалась ограда из металлической сетки, поверху которой шли широкие спирали колючей проволоки. Над комплексом возвышалась сторожевая вышка, неподвижная на фоне неба, окутанная волнами жара.

– Сейчас там никого нет, – хихикнув, сообщил Сингер. – О, у нас есть служба безопасности. Ты с ними скоро познакомишься. И они могут действовать очень эффективно, когда захотят. Но нашим настоящим стражем является пустыня.

Постепенно здания начали обретать форму. Карсон ожидал увидеть уродливые цементные сооружения и бараки, но комплекс показался ему почти красивым: белый, чистый и прохладный на фоне неба.

Директор еще больше снизил скорость, объехал барьер и остановился около огороженного дома охраны. Дверь открылась, наружу вышел человек в гражданской одежде – никакой формы – и направился к ним. Карсон заметил, что он прихрамывает.

Сингер открыл окно, мужчина оперся мускулистыми руками на дверь и засунул внутрь коротко стриженную голову. Он улыбнулся, продолжая жевать резинку. Два ярко-зеленых глаза сияли на загорелом, выдубленном на солнце лице.

– Привет, Джон, – сказал он, медленно осмотрел салон и наконец взглянул на Карсона. – И кто у нас тут?

– Наш новый исследователь. Ги Карсон. Ги, это Майк Марр, служба безопасности.

Мужчина кивнул и снова окинул взглядом машину. Затем вернул Сингеру удостоверение личности.

– Документы? – лениво обратился он к ученому.

Карсон передал ему то, что велели взять с собой: паспорт, свидетельство о рождении и удостоверение личности служащего «Джин-Дайн».

Марр равнодушно пролистал их.

– Бумажник, пожалуйста.

– Вам нужны мои водительские права? – нахмурившись, спросил Карсон.

– Весь бумажник, если не возражаете.

Марр мимолетно ухмыльнулся, и Карсон понял, что во рту у охранника вовсе не жвачка, а большая красная аптечная резинка. Он сердито протянул ему бумажник.

– Они и сумки твои заберут, – сказал Сингер. – Не волнуйся, тебе все вернут перед обедом. Разумеется, кроме паспорта. Его ты получишь по окончании твоего шестимесячного тура.

Марр отошел от окна и с вещами Карсона отправился в свой домик с кондиционером. У него была странная походка: он подтягивал правую ногу, словно опасался, что она оторвется. Через несколько мгновений он поднял шлагбаум и помахал им, чтобы они проезжали. Карсон видел сквозь толстое затемненное стекло, как он просматривает его бумажник.

– Боюсь, здесь нет тайн, кроме тех, что хранятся у тебя в голове, – улыбнувшись, сказал директор и направил «хаммер» вперед по дороге. – Но советую тебе и за ними хорошенько присматривать.

– Зачем все это нужно? – спросил Карсон.

Сингер пожал плечами.

– Цена за работу в учреждении высокой секретности. Промышленный шпионаж, фальшивые газетные публикации и прочие вещи. Здесь все то же самое, к чему ты привык в эдисонском отделении «Джин-Дайн», только в десять раз жестче.

Сингер остановился на стоянке и заглушил двигатель. Когда Карсон вышел наружу, на него налетел порыв горячего воздуха пустыни, и он сделал глубокий вдох. Подняв голову, он увидел в четверти мили от территории комплекса гору Дракона. Новенькая, усыпанная гравием дорожка бежала по ее склону, заканчиваясь около УКВ-передатчиков.

– Сначала большая экскурсия, – сказал Сингер. – Затем мы отправимся в мой офис, выпьем чего-нибудь прохладительного и поговорим.

Он зашагал вперед.

– А проект... – начал ученый.

Директор остановился и повернулся к нему.

– Скоупс не преувеличивал? – спросил Карсон. – Он действительно такой важный?

Сингер прищурился и посмотрел в сторону пустыни.

– Ты даже представить себе не можешь насколько, – ответил он.

* * *

Лекционный зал «Персиваль» в Гарвардском университете был заполнен до отказа. Двести студентов сидели на расположенных амфитеатром стульях; одни склонились над тетрадями, другие внимательно смотрели вперед. Доктор Чарльз Левайн расхаживал перед ними: маленькая жилистая фигурка с пучками волос, обрамлявшими преждевременно появившуюся лысину. Его рукава были перепачканы мелом, на башмаках с прошлой зимы остались следы соли. Впрочем, внешний вид нисколько не умалял силы его быстрых движений и серьезного выражения лица. Читая лекцию, он показывал куском мела на сложные биохимические формулы и последовательности нуклеотидов, разбросанные по огромным раздвижным доскам, такие же непонятные, как клинопись.

В задней части аудитории сидела небольшая группа людей с портативными видеокамерами и магнитофонами. Они были одеты не как студенты, а на лацканах пиджаков и ремешках красовались карточки, говорившие о том, что это представители прессы. Впрочем, их присутствие здесь было делом обычным. Лекции Левайна, профессора генетики и главы Фонда генетической политики, часто бывали весьма спорными. А «Политика генетики», журнал организации, позаботился о том, чтобы об этом занятии узнали заранее.

Левайн остановился и поднялся на кафедру.

– Это завершает нашу дискуссию по поводу влияния константы Туитта на смертность от болезней в Западной Европе, – сказал он. – Но я хотел еще кое-что сегодня с вами обсудить.

Он откашлялся.

– Можно экран, пожалуйста?

Свет погас, и с потолка спустился белый прямоугольник, который закрыл доску.

– Через шестьдесят секунд на этом экране появится фотография, – сказал профессор. – Я не имею права вам ее показывать. По правде говоря, я нарушаю сразу несколько статей закона о защите информации. Оставшись, вы поступите точно так же. Я к таким вещам привык. Если вы хоть раз читали «Политику генетики», вы поймете, что я имею в виду. Правда должна стать достоянием общественности, и неважно, какой ценой. Но это выходит за рамки темы сегодняшней лекции, и я не имею права просить вас остаться. Тот, кто хочет уйти, может сделать это прямо сейчас.

В тускло освещенном помещении послышался шепот и шорох тетрадных страниц, но никто не встал.

Профессор с удовлетворением огляделся по сторонам и кивнул технику. На экране появилась черно-белая картинка.

Левайн смотрел на нее; его лысина сияла, точно тонзура монаха, в свете проектора. Затем он повернулся к аудитории.

– Этот снимок сделан первого июля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года спутником-шпионом ТВ#17, находившимся на геостационарной орбите примерно в ста семидесяти милях над поверхностью Земли, – начал ученый. – Кстати, данные эти пока не рассекречены. Но стоило бы это сделать.

Он улыбнулся. Несколько человек неуверенно засмеялись.

– Вы видите городок под названием Ново-Дружина в Западной Сибири. Как вы можете судить по длине теней, фотография сделана ранним утром; это самое лучшее время для анализа изображений. Обратите внимание на положение двух припаркованных машин – вот здесь – и на поле, на котором зреет пшеница.

Появился новый слайд.

– Благодаря технике наблюдения, обладающей способностью к сравнительному анализу, на этом слайде снято то же место три месяца спустя. Заметили что-нибудь необычное?

В аудитории царил тишина.

– Автомобили стоят там же. А пшеница созрела, и ее пора собирать.

Появился новый слайд.

– Перед вами апрель следующего года. Видите, две машины находятся на прежнем месте. Поле, очевидным образом, стоит под паром. Урожай не собрали. Именно эти снимки неожиданно очень заинтересовали некоторых фотограмметристов из ЦРУ.

Он помолчал и окинул взглядом студентов.

– Военные США обнаружили, что во всей закрытой зоне номер четырнадцать – а это полдюжины городов на территории в восемьдесят квадратных миль вокруг Ново-Дружины – то же самое. Деятельность человека там полностью прекращена. Поэтому они решили посмотреть внимательнее.

Появился следующий кадр.

– Это увеличение первого слайда, сделанное при помощи цифровой техники. Убраны блики и спектральные девиации. Если вы внимательно посмотрите на улицу перед церковью, вы увидите размытый предмет, похожий на бревно. Любой специалист по фотографии из Пентагона скажет вам, что это труп человека. А вот та же сцена шесть месяцев спустя.

Все казалось точно таким же, только бревно теперь стало белым.

– Труп превратился в скелет. Когда ученые изучили большое количество таких увеличенных изображений, они обнаружили бесчисленное множество скелетов, лежащих прямо на улицах и полях. Сначала они терялись в догадках. Появились теории о массовом безумии, еще один Джонстаун⁵, например. Потому что...

На экране появился новый слайд.

– ...как вы видите, все, кроме людей, выжили. Лошади продолжают щипать траву на лугах. В верхнем левом углу стая собак, очевидно одичавших. На следующем снимке – скот. Умерли только люди. То, что их убило, было столь опасным и распространялось так быстро, что они остались лежать там, где упали, и их даже некому было похоронить.

Он замолчал.

– Вопрос в том: что это такое?

В аудитории царил мертвая тишина.

– Еда из кафетерия Лоуэлл? – осмелел один из студентов.

Левайн захохотал вместе с остальными, затем кивнул, и на экране появился очередной слайд, изображавший огромный разрушенный комплекс.

---

⁵ В Джонстауне (Гайана) в 1978 году произошло массовое самоубийство членов секты «Народный храм».

– К сожалению, это не так, друг мой. Со временем ЦРУ удалось узнать, что причиной стал какой-то патогенный микроорганизм, созданный в лаборатории, изображенной здесь. Вы видите воронки, значит здания подверглись бомбардировке. Подробности за пределами России были неизвестны до нынешней недели, когда русский полковник бежал в Швейцарию, прихватив солидный пакет документов Советской армии. Тот же человек, который дал мне эти фотографии, сообщил, что перебежчик находится в Швейцарии. Я первый изучил предоставленные им сведения. То, что я собираюсь вам рассказать, еще не стало достоянием общественности. Прежде всего вы должны понимать, что это был примитивный эксперимент. И никто особенно не думал о политическом, экономическом или военном использовании его результатов. Не забывайте, что десять лет назад русские сильно отставали в области генетических исследований и пытались нас догнать. В секретной лаборатории неподалеку от Ново-Дружины они ставили эксперименты в области геной инженерии. Русские брали обычный вирус простого герпеса Ia+, который вызывает простуду на губах. Штамм относительно несложный, хорошо изученный, с ним легко работать. Они начали менять его генетическую структуру и внесли человеческие гены в ДНК вируса. Нам неизвестно, как они это сделали. Но неожиданно они получили страшный патогенный вирус, причем необходимого оснащения, чтобы с ним справиться, у них не оказалось. Тогда они знали только то, что он отличается необычной продолжительностью жизни и передается воздушно-капельным путем. Двадцать третьего мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года в советской лаборатории произошел небольшой инцидент, связанный с нарушением системы безопасности. Очевидно, один из сотрудников отдела трансфекции⁶ упал и повредил защитный костюм. Как вы знаете из истории Чернобыля, советские стандарты безопасности никуда не годятся. Мужчина никому не сказал о том, что произошло, и вернулся домой к своей семье, которая жила в комплексе для служащих. В течение трех недель вирус развивался в его брюшной полости, размножаясь и распространяясь по всему телу. Четырнадцатого июня этот сотрудник заболел и слег с высокой температурой. Через несколько часов он начал жаловаться на необычное давление в животе и вскоре выпустил огромное количество газов. Его жена испугалась и вызвала врача. Но прежде чем тот прибыл, у больного – прошу меня простить за натуралистическое описание – вышла большая часть внутренностей через задний проход. Они загноились внутри тела и стали пастообразными. Он в буквальном смысле испражнялся своими кишками. Нет необходимости говорить, что к тому моменту, когда приехал доктор, он был мертв.

Левайн снова помолчал и окинул взглядом зал, словно рассчитывал увидеть поднятые руки. Их не было.

– Поскольку инцидент оставался тайной для научного сообщества, у вируса не было официального названия, и он получил имя «Штамм двести тридцать два». Нам известно, что человек, подвергшийся его воздействию, становится заразным через четыре дня. Уровень смертности равен почти ста процентам. К тому моменту, когда умер тот сотрудник, он заразил десятки, если не сотни людей. Мы можем назвать его нулевым вектором. Через семьдесят два часа после его смерти многие стали жаловаться на такие же симптомы, и их постигла та же страшная судьба. Единственное, что спасло нас от пандемии, – это место, где произошла вспышка эпидемии. В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году въезд и выезд из закрытой зоны номер четырнадцать тщательно контролировался. Тем не менее произошла утечка информации, и началась паника. Люди, которые жили в том районе, стали собирать вещи, складывать их в машины, фургоны и даже телеги, запряженные лошадьми. Многие пытались бежать на велосипедах или пешком, бросив все, что у них было, в надежде спастись. Из бумаг, которые полковник привез с собой из России, мы видим, как отреаги-

---

⁶ Трансфекция – заражение клеток путем введения геномных и субгеномных молекул вирусных ДНК.

рвала Советская армия. Специальные части в костюмах, защищающих от биологической опасности, выставили блокпосты на дорогах, чтобы никто не мог покинуть зараженную территорию. Это оказалось достаточно просто, поскольку зона номер четырнадцать уже была окружена ограждением и пропускными пунктами. Когда эпидемия охватила близлежащие деревни, на улицах, в полях и на площадях стали умирать целые семьи. С того момента, как человек начинал чувствовать первые признаки болезни, и до смерти проходило три часа. Началась такая паника, что солдаты на пропускных пунктах получили приказ убивать каждого – вы понимаете меня, каждого, – кто оказывался в пределах видимости. Они расстреливали стариков, детей, беременных женщин. В поля и лес с воздуха сбросили множество противопехотных мин, уничтожающих живую силу. Завершили дело колючая проволока и танковые ловушки. Затем лаборатория подверглась ковровой бомбардировке. Разумеется, не для уничтожения вируса – бомбы на него не действовали. Это было сделано с целью скрыть все следы, чтобы Запад не узнал, что там произошло. В течение восьми недель все люди, находившиеся в зоне карантина, были мертвы. Деревни опустели, свиньи и собаки пожирали тела, по полям бродили недоенные коровы, а над покинутыми домами висел жуткий смрад.

Профессор сделал плоток воды и продолжил:

– Эта ужасающая история – биологический эквивалент ядерного удара. Но я боюсь, что ее последняя глава еще не написана. Города, подвергшиеся атомной бомбардировке, можно покинуть, но избежать наследия Ново-Дружины гораздо труднее. Вирусы легко приспособляются и не любят бездействовать. Несмотря на то что все люди, заразившиеся этой болезнью, мертвы, существует вероятность, что «Штамм двести тридцать два» продолжает существовать где-то на опустошенных территориях. Иногда вирусы находят вторичные убежища, где терпеливо ждут следующей возможности нанести удар. Может быть, «Штамм двести тридцать два» уничтожен. Но возможно, часть микроорганизмов сумела спастись. И завтра какой-нибудь злополучный кролик с грязными лапами найдет дыру в ограждении. Его пристрелит фермер и отнесет на рынок. Тогда мир, который мы знаем, перестанет существовать.

Профессор выдержал паузу.

– Это и есть результат геной инженерии! – неожиданно воскликнул он, обращаясь к залу.

Он снова замолчал, вслушиваясь в тишину, затем вытер платком лоб и сказал уже тише:

– Проектор нам больше не понадобится.

Экран погас, и в зале стало темно.

– Друзья мои, – продолжал Левайн, – распоряжаясь нашей планетой, мы достигли критической точки, но мы так слепы, что даже не видим этого. Мы ходим по земле пять тысяч веков и только за последние пятьдесят лет узнали достаточно, чтобы причинить себе настоящий вред. Сначала ядерное оружие, а теперь – что бесконечно опаснее – попытка переделывать природу.

Он покачал головой.

– Есть старинная поговорка: «Природа – это судья, который приговаривает к повешению». Ново-Дружина чуть не казнила человечество. Да и сейчас, когда я перед вами выступаю, компании по всему миру работают с различными штаммами, обменивают генетический материал между вирусами, бактериями, растениями и животными, причем делают это безответственно, не думая о последствиях. Разумеется, сегодняшние суперсовременные лаборатории в Европе и Америке не имеют ничего общего с той, что находилась в Сибири в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. Должно ли это нас успокоить? Как раз наоборот. Ученые в Ново-Дружине проводили элементарные манипуляции с простым вирусом. Их деятельность случайно привела к катастрофическим последствиям. В настоящий момент – всего

лишь в броске камня от этого зала – ставятся гораздо более сложные эксперименты с гораздо более экзотичными и опасными штаммами. Эдвин Килбурн, вирусолог, однажды допустил теоретическую вероятность существования болезнетворного организма, он назвал его «максимально опасный вирус». МОВ, по его теории, будет наделен устойчивостью к окружающей среде, присущей полиомиелиту, антигенной мутабельностью гриппа, неограниченными возможностями заражения, которыми обладает бешенство, и латентностью герпеса. Эти мысли, когда-то казавшиеся смехотворными, выглядят сейчас совершенно серьезными. Такой организм, возможно, в эту минуту создается в какой-нибудь лаборатории на нашей планете. Он принесет гораздо более страшные беды, чем ядерная война. Почему? Атомная война обладает ограничениями. Но с распространением МОВ каждый инфицированный человек становится новой ходячей бомбой. Сегодняшние возможности передачи заболевания благодаря путешествиям между разными странами настолько расширены, что нужно всего несколько переносчиков вируса, чтобы он охватил всю планету.

Левайн обошел кафедру и остановился лицом к аудитории.

– Режимы приходят и уходят. Политические границы меняются. Империи возникают и рушатся. Но их агенты смерти, однажды выпущенные на свободу, остаются навсегда. Я спрашиваю вас: должны ли мы позволить проводить неконтролируемые эксперименты в области генной инженерии в лабораториях по всему миру? Это и есть главный вопрос, который поднял «Штамм двести тридцать два».

Он кивнул, и в зале загорелся свет.

– В следующем выпуске «Генетической политики» будет напечатан подробный отчет о том, что произошло в Ново-Дружине, – сказал он и отвернулся, чтобы собрать бумаги.

Чары были разрушены. Студенты начали складывать вещи и, тихо переговариваясь, потянулись к выходу. Репортеры, сидевшие в конце, уже ушли, чтобы приняться за работу.

В верхнем ряду поднялся молодой человек и начал пробиваться сквозь толпу. Он медленно спускался по ступенькам, направляясь к кафедре.

Профессор поднял голову, затем внимательно посмотрел по сторонам.

– Мы вас предупреждали о том, что не следует приближаться ко мне на людях, – проговорил он.

Юноша подошел к профессору, взял его за локоть и взволнованно зашептал ему на ухо. Левайн перестал убирать бумаги в портфель.

– Карсон? – переспросил он. – Вы имеете в виду того подающего надежды ковбоя, который постоянно перебивал меня во время лекций?

Молодой человек кивнул.

Левайн замолчал, продолжая держать руку на кейсе. Затем он резко захлопнул его.

– Бог мой, – тихо сказал он.

* * *

Карсон смотрел на противоположную сторону стоянки для машин, где прямо из песка выросло скопление белых построек: кривые линии, плоскости и купола словно поднимались из земли. Существование зданий посреди пустыни при полном отсутствии декоративных деталей и деревьев создавало ощущение чистоты и наводило на мысли о дзен-буддизме. Корпуса соединяли пересекающиеся стеклянные коридоры, рождая свой собственный рисунок.

Сингер провел новоприбывшего по одному из крытых переходов.

– Брент является ярким приверженцем идеи, что архитектура есть средство, вдохновляющее человека, – сказал он. – Я никогда не забуду, когда архитектор... Как же его зовут? Да, Гварески, прибыл из Нью-Йорка, чтобы здесь «поэкспериментировать».

Директор тихонько рассмеялся.

– Он явился в туфлях с кисточками и костюме, в дурацкой соломенной шляпе. Но следует отдать ему должное, это был крепкий парень. Он прожил в палатке четыре дня, прежде чем получил тепловой удар и сбежал на Манхэттен.

– Здесь красиво, – проговорил Карсон.

– Да. Несмотря на неудачный опыт, архитектор сумел почувствовать дух открытых пространств. Он настоял на том, чтобы здесь не было никакого искусственного ландшафта. Во-первых, у нас нет воды. Но еще он хотел, чтобы комплекс выглядел так, будто он является частью пустыни, а не привнесен сюда извне. Очевидно, он не сумел забыть про жару. Думаю, именно по этой причине тут все белое: механическая мастерская, складские помещения, даже электростанция.

Он кивком показал на длинное здание с грациозно изгибающимися крышами.

– Электростанция? – недоверчиво переспросил Карсон. – Больше похоже на музей живописи. Все это, наверное, стоило целое состояние.

– Несколько состояний, – сказал Сингер. – Но в восемьдесят пятом, когда началось строительство, деньги не были проблемой. – Он повел Карсона в сторону жилого комплекса – серии невысоких криволинейных строений, составленных вместе, точно куски головоломки. – Мы получили контракт на девятьсот миллионов долларов у ПКУ МО.

– У кого?

– У Проектно-конструкторского управления Министерства обороны.

– Никогда о таком не слышал, – сказал Карсон.

– Это было закрытое подразделение Министерства обороны. Его распустили после Рейгана. Нам всем пришлось подписать кучу документов о неразглашении. «Секретно, совершенно секретно». А потом они стали изучать нашу подноготную, и, можешь мне поверить, они копали по полной. Мне звонили мои бывшие подружки, с которыми я расстался лет двадцать назад, и говорили: «Тут ходят разные серьезные типы в костюмах и интересуются тобой. Чем, черт тебя подери, ты занимаешься, Сингер?» – Он рассмеялся.

– Значит, вы здесь с самого начала? – поинтересовался Карсон.

– Точно. Только ученые работают тут по шесть месяцев. Наверное, Скоупс думает, что я не слишком перетруждаюсь, чтобы сгореть на посту. – Он рассмеялся. – Я здесь старожил, я и Най. И еще двое: старина Павел и парень, которого ты видел при въезде, Майк Марр. Знаешь, с тех пор как мы расстались с военными, стало намного лучше. Эти ребята были настоящей занозой.

– А как получилось, что вы перестали на них работать? – спросил Карсон.

Сингер открыл дверь с дымчатым стеклом, которая вела в здание, расположенное в дальнем конце жилого комплекса. Когда дверь с шипением закрылась, их окатила волна холодного воздуха. Карсон стоял в вестибюле с белыми стенами, темно-серой мебелью и выложенным плиткой полом. Директор повел его к другой двери.

– Сначала мы занимались только оборонными исследованиями. Именно благодаря этому мы получили землю на полигоне. Наша задача состояла в том, чтобы найти вакцины, разработать контрмеры и антитоксины для предполагаемого советского биологического оружия. Когда Советский Союз развалился, вместе с ним пришел конец и нашему контракту. Мы лишились его в тысяча девятьсот девяностом году и чуть было не потеряли и лабораторию, но Скоупс быстро организовал какое-то лоббирование за закрытыми дверями. Одному Богу известно, как ему это удалось, но мы получили аренду на тридцать лет в соответствии с Актом о преобразовании предприятий оборонной промышленности.

Сингер открыл дверь в длинную лабораторию. В свете флуоресцентных ламп сияли черные столы, на которых аккуратными рядами выстроились горелки Бунзена, чистенькие

колбы Эрленмейера, стеклянные пробирки, электронные стереомикроскопы и прочее оборудование.

Карсон еще ни разу в жизни не видел такой чистой лаборатории.

– Неужели это рабочая лаборатория низшего уровня? – недоверчиво спросил он.

– Нет, конечно, – ответил Сингер. – Настоящая работа делается внутри, там будет наша следующая остановка. А это конфетка для конгрессменов и военных шишек. Они ожидают увидеть здесь улучшенную версию своих университетских химических кабинетов, и мы им это показываем.

Они вошли в комнату меньшего размера. В центре стоял огромный сверкающий прибор. Карсон мгновенно его узнал.

– Лучший в мире микротом⁷: точность «ультрабритье», по крайней мере, мы так ее называем, – сказал Сингер. – Управляется компьютером. Алмазное лезвие рассекает человеческий волос на две тысячи пятьсот секций. Причем по ширине. Это, конечно, выставочный образец. Внутри у нас работает два точно таких же.

Они снова вышли на жуткую жару. Сингер лизнул палец и поднял его вверх.

– Ветер с юго-востока, – сказал он. – Как всегда. Вот почему исследовательскую лабораторию построили именно здесь – тут постоянно дует юго-восточный ветер. Первая деревня, находящаяся от нас с подветренной стороны, это Клонч, Нью-Мексико, население двадцать два человека. Сто сорок миль. Полигон «Тринити», где взорвали первую атомную бомбу, всего в тридцати милях к северо-западу от нас. Отлично подходит, чтобы спрятать ядерный взрыв. Более изолированного места в этих широтах не найти.

– Мы называли этот ветер «мексиканский зефир», – сказал Карсон. – В детстве я больше всего на свете не любил выходить из дома, когда он дул. Мой отец говорил, что он доставляет неприятностей больше, чем в сезон мух привязанная лошадь с крысиным хвостом.

– Ги, я понятия не имею, что ты сейчас сказал, – повернувшись к нему, проговорил Сингер.

– Это лошадь с коротким хвостом. Если ее крепко привязать и на нее начнут нападать мухи, она приходит в бешенство, ломает ограду и убегает.

– Понятно, – без особой уверенности в голосе сказал Сингер и показал Карсону за плечо: – Вон там находится зона отдыха – спортивный зал, теннисные корты, конюшня. Я испытываю невероятное отвращение к физическим упражнениям, поэтому тебе придется самому выяснить, что там. – Он любовно похлопал себя по круглому животу и рассмеялся. – А вот это ужасного вида здание – воздушная печь для отходов гриппозного отсека.

– Гриппозного отсека?

– Извини, – проговорил Сингер. – Я имел в виду лабораторию биологической защиты пятого уровня, в которой проводится изучение по-настоящему опасных организмов. Я уверен, что ты слышал про классификационную систему биологической защиты. Первый уровень – для работы с малоопасными инфекциями. Четвертый уровень обозначает самые страшные. В стране есть две лаборатории четвертого уровня: у Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте, и еще одна принадлежит армии и находится в Форт-Детрике. Лаборатории четвертого уровня предназначены для исследований самых смертоносных вирусов и бактерий, существующих в природе.

– А что такое пятый уровень? Я никогда о нем не слышал.

Сингер ухмыльнулся.

---

⁷ *Микротом* – инструмент для приготовления срезов фиксированной и нефиксированной биологической ткани, а также небологических образцов.

– Предмет гордости и одна из главных радостей Брента. «Маунт-Дрэгон» обладает единственной в мире лабораторией пятого уровня. Она создана для работы с вирусами и бактериями более опасными, чем что-либо существующее в природе. Иными словами, микробами, появившимися в результате генной инженерии. Кто-то много лет назад окрестил ее «гриппозный отсек», и название пристало. Короче говоря, воздух оттуда проходит через печь и нагревается до температуры тысяча градусов по Цельсию, потом охлаждается и возвращается назад. Полностью стерилизованный.

Странного вида воздушная печь оказалась единственным сооружением на территории «Маунт-Дрэгон», которое не было белоснежным.

– Значит, вы работаете с патогенным организмом, который распространяется воздушным путем?

– Умница. Да, именно так. И должен тебе сказать, что это по-настоящему опасно. Мне гораздо больше нравилось, когда мы работали с неокровью. Это искусственная кровь.

Карсон посмотрел в сторону загонов для лошадей и увидел сарай, стойла, несколько дорожек и большой выпас за оградой.

– За пределами территории разрешается кататься верхом? – спросил он.

– Разумеется. Нужно только отметить, когда ты выезжаешь и возвращаешься назад. – Сингер огляделся по сторонам и вытер лоб тыльной стороной ладони. – Господи, как же жарко. За столько лет я так и не смог привыкнуть к этому. Давай зайдем внутрь.

«Внутри» означало за периметр – обширную огороженную зону в самом сердце «Маунт-Дрэгон». Карсон заметил только один разрыв в ограждении – маленький домик охраны прямо перед ним. Сингер провел его в ворота, а затем к большому зданию в глубине территории. Они оказались в прохладном вестибюле. Через открытую дверь Карсон увидел ряд компьютерных терминалов на длинных белых столах. Два человека с именными карточками на шеях, в джинсах под лабораторными халатами что-то деловито печатали. Неожиданно для себя Карсон с удивлением сообразил, что это первые люди, если не считать охраны, которых он здесь встретил.

– Это операционное здание, – сообщил ему Сингер и показал на практически пустую комнату. – Администрирование, обработка данных, в общем, все. У нас совсем небольшой штат. Даже когда мы работали на военных, здесь трудились не больше тридцати человек одновременно. Сейчас их вдвое меньше, и все сосредоточены на одном проекте.

– Это очень мало, – заметил Карсон.

Сингер пожал плечами.

– Генная инженерия не требует большого числа ученых.

Он жестом показал Карсону, чтобы он вышел из вестибюля, и они оказались в огромном атриуме, выложенном черным гранитом, с потолком из темного стекла. Жаркое солнце пустыни, превращенное в бледный свет, заливало небольшое скопление пальм в центре. Из патио выходило три коридора.

– Они ведут в лабораторию трансфекции и программирования ДНК, – пояснил Сингер. – Тебе здесь по большому счету делать нечего, но в свободное время ты можешь попросить кого-нибудь, чтобы тебе устроили экскурсию. Наша следующая остановка вон там.

Он показал на окно, через которое Карсон увидел низкое ромбовидное строение, торчащее из песка.

– Пятый уровень, – без всякого энтузиазма сказал Сингер. – Гриппозный отсек.

– На вид он совсем маленький, – заметил Карсон.

– Поверь мне, он только кажется таким. То, что ты видишь, – помещение для воздушных фильтров. Сама лаборатория находится под землей. Дополнительные меры безопасности на случай землетрясения, пожара или взрыва. – Он поколебался пару мгновений. – Думаю, мы можем туда зайти.

После медленного спуска в крошечном лифте они оказались в длинном коридоре, освещенном оранжевым светом, с выложенным белой плиткой полом. На потолке находились камеры наблюдения. В конце коридора Сингер остановился около серой металлической двери, плотно прилегающей к дверной коробке, с резиновыми прокладками по всему периметру.

Наклонившись, Сингер произнес свое имя в маленькое переговорное устройство справа, над дверью зажегся зеленый огонек и зазвучал сигнал.

– Распознавание голоса, – сказал Сингер, открывая дверь. – Эта система хуже устройств, считывающих рисунок ладони или сетчатку глаза, но они не действуют сквозь биокостюмы. А этот, по крайней мере, нельзя обмануть при помощи магнитофона. Твой голос запишут сегодня к вечеру; это часть процедуры приема.

Они вошли в просторное помещение, где было немного современной мебели. Вдоль одной из стен располагался ряд металлических шкафчиков. В дальнем конце Карсон заметил еще одну отполированную до блеска металлическую дверь с ярким желто-красным значком и надписью над ним: «Чрезвычайная биологическая опасность».

– Это комната для переодевания, – пояснил Сингер. – Защитные костюмы находятся в шкафчиках.

Он направился к одному из них, но неожиданно остановился и повернулся к Карсону.

– Знаешь что, думаю, будет лучше, если я позову кого-нибудь, кто лучше меня сможет тебе все показать.

Он нажал кнопку на шкафчике, послышалось шипение, и металлическая дверца скользнула в сторону, открыв взгляду Карсона тяжелый костюм из синей резины, аккуратно упакованный в металлический контейнер, очертаниями похожий на маленький гроб.

– Ты ни разу не бывал в лаборатории четвертого уровня? – спросил директор. – В таком случае слушай меня внимательно. Пятый уровень похож на четвертый, но не во всем. Многие для удобства надевают под защитный костюм медицинские хлопчатобумажные штаны и куртки, но это необязательно. Если ты остаешься в уличной одежде, ручки, карандаши, часы, ножи необходимо вынуть. В общем, все, что может прорвать костюм.

Карсон быстро вывернул карманы.

– Как насчет ногтей? – спросил Сингер.

Карсон посмотрел на свои руки.

– Все в порядке.

– Хорошо. Я свои всегда коротко обрезаю, так что у меня такой проблемы нет. – Он рассмехался. – В нижнем левом отделении лежат резиновые перчатки. Кольца? Отлично. Тебе придется снять ботинки и надеть эти тапочки. Ногти на ногах короткие? Если нужно, щипчики в ящике.

Карсон снял ботинки.

– А теперь забирайся в костюм, сначала правой ногой, потом левой, и натягивай его. Но не до конца. Оставь маску открытой, чтобы можно было разговаривать.

Карсон принялся сражаться с огромным неудобным костюмом, с трудом натянув его на свою одежду.

– Эта штука весит тонну, – сказал он.

– Он полностью герметичен. Видишь металлический клапан на поясе? Все время, что ты будешь находиться внутри, ты будешь дышать кислородом. Тебе покажут, как этим управлять. Сам костюм содержит запас кислорода на десять минут – на случай непредвиденных обстоятельств.

Он подошел к интеркому и нажал несколько кнопок.

– Розалинда!

– Да? – послышался голос после короткой паузы.

– Могу я попросить тебя провести экскурсию по лаборатории для нашего нового ученого Ги Карсона?

Ответом ему была тишина, потом снова послышался тот же голос:

– Я занята.

– Это займет всего несколько минут.

– О господи!

И снова тишина.

Директор повернулся к Карсону.

– Это Розалинда Брэндон-Смит. Она немного эксцентричная особа, наверное, так можно сказать. – Он с заговорщическим видом наклонился к Карсону. – Вообще-то, она невероятно грубая, но не обращай на это внимания. Она внесла огромный вклад в создание искусственной крови, а теперь завершает работу над своей частью нового проекта. Розалинда много сотрудничала с Фрэнком Бартом, и они были довольно близки, так что она вряд ли дружелюбно отнесется к тому, кто его заменил. Ты встретишься с ней внутри. Ей нет никакого смысла проходить санобработку дважды.

– А кто такой Фрэнк Барт?

– Он настоящий ученый и отличный человек. Но наши условия оказались для него слишком тяжелыми. Недавно у него произошло нечто вроде срыва. Знаешь, такое случается довольно часто. Примерно четверть тех, кто приезжает в «Маунт-Дрегон», не могут завершить работу по своему контракту.

– Я не знал, что меня взяли вместо кого-то, – нахмурившись, сказал Карсон.

– Это так. Я расскажу позже. Тебе предстоит занять серьезный пост. – Он сделал шаг назад. – Ладно, застегни молнии. Убедись, что все три закреплены. Мы обычно помогаем друг другу. После того как ты надел костюм, другой человек проверяет, все ли в порядке.

Он тщательно осмотрел экипировку, затем показал Карсону, как пользоваться интеркомом в маске.

– Если ты не стоишь рядом с человеком, услышать что-то трудно. Нажми эту кнопку на предплечье, чтобы микрофон заработал.

Он махнул рукой в сторону двери с угрожающей надписью.

– За входом находится химический душ. Как только ты вступишь, он включается автоматически. Привыкай к нему, на выходе он будет работать дольше. Когда внутренняя дверь откроется, входи. Соблюдай особую осторожность, пока не научишься пользоваться костюмом. С той стороны тебя будет ждать Розалинда. Надеюсь.

– Спасибо, – громко сказал Карсон, чтобы его голос миновал толстую резиновую защиту.

– Не за что, – услышал он приглушенный ответ. – Извини, что я с тобой не пойду. Видишь ли, – он поколебался короткое мгновение, – никто не входит в гриппозный отсек без особой необходимости. Ты поймешь почему.

Когда дверь у него за спиной с шипением закрылась, Карсон прошел вперед и оказался около металлической решетки. Неожиданно раздалось жужжание, и желтый химический раствор полился с потолка, из стен и начал бить из специальных устройств в полу. Карсон чувствовал, как он громко стучит по его костюму. Через минуту все было закончено, и он шагнул в маленькую камеру. Заревел мотор, и он ощутил давление сильных струй воздуха, налетевших на него со всех сторон. Карсону в защитном костюме сушильный механизм представлялся диковинным далеким ветром: он не мог определить, каким он был, холодным или горячим. Затем внутренняя дверь с шипением открылась, и ученый оказался лицом к лицу с невысокой женщиной, нетерпеливо поглядывающей на него из-за прозрачного визора. Даже учитывая тяжелый костюм, по прикидкам Карсона она весила фунтов двести пятьдесят.

– Идите за мной, – прозвучал резкий голос из шлема.

Женщина отвернулась и зашагала по коридору, такому узкому, что ее плечи касались стен. Они были гладкими и скользкими, без углов и выступов, которые могли бы порвать защитный костюм. Все здесь – полы, плитки на стенах и потолок – оказалось ослепительно-белым.

Ученый нажал на левую кнопку у себя на предплечье, чтобы включить интерком.

– Я Ги Карсон, – представился он.

– Рада слышать, – ответила она. – А теперь будьте осторожны. Видите воздушные шланги наверху?

Карсон поднял голову. С потолка свисало несколько голубых трубок с металлическими зажимами на концах.

– Возьмите один и вставьте в клапан костюма. Осторожно. Поверните его влево, чтобы закрепить. Когда вы перейдете с одного участка на другой, вы должны его отключить и присоединить новый. В вашем костюме ограничен запас воздуха, так что не зевайте.

Карсон последовал ее указаниям, понял, что застежка заняла свое место, и услышал успокаивающее шипение воздуха. Внутри костюма он ощущал необычную отстраненность от остального мира. Движения казались медленными и неуклюжими. Из-за толстых перчаток он почти не чувствовал воздушного шланга, когда вставлял его в клапан.

– Вы должны помнить, что наша лаборатория похожа на подводную лодку, – услышал он голос Брендон-Смит. – Она маленькая, тесная и опасная. Все здесь имеет свое место.

– Я понимаю, – ответил Карсон.

– Неужели?

– Да.

– Хорошо, потому что здесь, в гриппозном отсеке, небрежность означает смерть. И не только для вас. Ясно?

– Да, – повторил Карсон и подумал: «Дура!»

Они продолжали идти по узкому коридору. Карсон следовал за женщиной, пытаясь приспособиться к защитному костюму, и ему показалось, что он услышал на заднем плане какой-то необычный шум: едва различимый рокот, скорее ощущение, нежели звук. Он решил, что это генератор гриппозного отсека.

Мощное тело Брендон-Смит втиснулось в узкий люк, ведущий в лабораторию, где перед большими, закрытыми плексигласом столами работали люди в защитных костюмах, сунув руки в проделанные в нем резиновые отверстия. Они мыли чашки Петри. Свет здесь был таким ярким, что любой предмет обретал невероятно четкие очертания. Около каждого стола стояли маленькие мусорные контейнеры с этикетками и специальными приспособлениями для слива и сжигания. На потолке неслышно поворачивались камеры, следящие за работой ученых.

– Внимание всем, – прозвучал голос Брендон-Смит в интеркоме. – Это Ги Карсон. Замена Барта.

В его сторону начали поворачиваться визоры шлемов, и Карсон услышал приветственные голоса.

– Это производство, – ровным голосом сказала Брендон-Смит, так что было ясно: вопросы не предполагаются, и Карсон не стал ничего спрашивать.

Женщина провела его через муравейник других лабораторий, узких коридоров, воздушных шлюзов, залитых ослепительным светом. «Она права, – подумал Карсон, – это место очень похоже на подводную лодку». Все свободное пространство было заставлено сказочно дорогим оборудованием: просвечивающими и растровыми электронными микроскопами, автоклавами, инкубаторами, масс-спектрометрами. Здесь даже имелся маленький циклотрон, переделанный таким образом, чтобы сотрудники могли работать в защитных

костюмах. По низкому потолку, тоже белому, как и все остальное в отсеке, вилось переплетение труб. Через каждые десять ярдов Брендон-Смит останавливалась, чтобы подключить новый воздушный шланг, дожидаясь, когда Карсон последует ее примеру. В результате их продвижение вперед было мучительно медленным.

– Боже праведный, – проговорил Карсон. – Какие невероятные меры предосторожности. Кстати, что у вас здесь такое?

– Все, – услышал он ответ. – Бубонная чума, легочная чума, вирус церкопитековой марбург-вирусной лихорадки, хантавирус, лихорадка Денге, вирус Эбола, сибирская язва. Не говоря уже о нескольких советских биологических агентах. Разумеется, они все заморожены.

Тесное помещение, тяжелый костюм, нехватка воздуха – от этого Карсон начал терять ориентацию в пространстве. Он вдруг понял, что задыхается, отчаянно сражаясь с желанием расстегнуть все молнии и вдохнуть полной грудью.

Наконец они остановились на маленькой круглой площадке, от которой, точно ступицы колеса, в разные стороны расходились узкие коридоры.

– Что это? – Карсон показал на огромное скопление труб у них над головами.

– Воздушный канал, – ответила Брендон-Смит и пристегнула новый шланг к своему костюму. – Это центр гриппозного отсека. В лаборатории существует система регулировки давления. Чем дальше вы заходите, тем меньше оно становится. Все стекается в эту точку, а затем отправляется в печь и возвращается. – Она махнула рукой в сторону одного из коридоров. – Ваше отделение находится там. Вы его скоро увидите. У меня нет времени показывать вам все.

– А что там, внизу? – спросил Карсон, ткнув пальцем на узкое пространство у их ног, из которого вела сверкающая металлическая лестница.

– Под нами три уровня. Дублирующие лаборатории, подстанция охраны, морозильные камеры, генераторы, центр управления.

Она прошла несколько шагов по одному из коридоров и остановилась около двери.

– Карсон? – позвала она.

– Да?

– Последняя остановка. Зоопарк. Держитесь на расстоянии от клеток, чтобы животные вас не схватили. Если они оторвут кусок от вашего костюма, вы никогда больше не увидите дневного света. Вас запрут здесь и оставят умирать.

– Зоопарк?.. – начал он, но женщина уже открыла дверь.

Неожиданно рокот стал громче, и Карсон понял, что это вовсе не генератор. Внутри его защитного костюма проникли приглушенные крики и вой. Завернув за угол, он увидел, что одна стена комнаты от пола до потолка занята клетками. Черные глаза-пуговицы смотрели на него из-за сетчатой проволоки. Когда появились новые посетители, уровень шума поднялся на невообразимые высоты. Многие пленники принялись колотить по полу клеток лапами.

– Шимпанзе? – спросил Карсон.

– Умница.

К ним повернулась маленькая фигурка в синем защитном костюме, которая стояла в конце ряда клеток.

– Карсон, это Боб Филлсон. Он ухаживает за животными.

Смотритель коротко кивнул. За прозрачной пластиной визора Карсон разглядел густые брови, нос картошкой и крупные влажные губы. Все остальное терялось в тени. Филлсон отвернулся и снова занялся своей работой.

– А зачем их так много? – спросил ученый.

Женщина остановилась и посмотрела на него.

– Это единственные животные с такой же, как у человека, иммунной системой. Вы должны это знать, Карсон.

– Разумеется, но все равно, почему...

Брендон-Смит, не обращая на него внимания, внимательно вглядывалась в одну из клеток.

– О господи, – сказала она.

Мужчина подошел к ней, стараясь держаться на расстоянии от бесконечных обезьяньих пальцев, торчащих из клеток. Шимпанзе лежал на боку, не обращая внимания на царящий вокруг него шум. Карсону показалось, что с его мордой что-то не так. И тут он сообразил, что у него неестественно большие глаза. Приглядевшись, он понял, что они вылезли из орбит, кровеносные сосуды лопнули и окрасили склеры в красный цвет. Обезьяна неожиданно дернулась, открыла лохматые челюсти и завопила.

– Боб, – услышал Карсон голос Брендон-Смит. – Последний шимпанзе Барта умирает.

Филлсон подошел к ним шаркающей походкой, нарочито не торопясь. Он был невысоким, едва ли пяти футов роста, и двигался с медленной осторожностью, словно ныряльщик под водой.

Он повернулся к Карсону и проговорил хриплым голосом:

– Вам придется уйти. Тебе тоже, Розалинда. Я не могу открыть клетку, когда в помещении находится кто-то еще.

Ученый в ужасе наблюдал за тем, как один глаз животного неожиданно выскочил из глазницы, из которой тут же хлынула кровь. Шимпанзе молча метался на полу, щелкал зубами и размахивал лапами.

– Что за черт? – пробормотал Карсон, оцепенев от ужаса.

– До свидания, – твердо сказал Филлсон и потянулся к шкафу за спиной.

– Пока, Боб, – ответила Брендон-Смит, и Карсон заметил, что у нее немного изменилась интонация, когда она обратилась к зрителю.

Последнее, что увидел Карсон, когда они закрывали дверь, был шимпанзе, который сжался от боли и отчаянно хватал лапами свою изуродованную морду, а Филлсон заливал что-то из банки с распылителем в его клетку.

Женщина тяжело шагала по другому коридору и молчала.

– Скажите, что случилось с шимпанзе? – наконец спросил Карсон.

– Я думала, это очевидно, – ответила она. – Отек мозга.

– Чем он вызван?

Брендон-Смит повернулась и посмотрела на него. Ему показалось, что она удивилась.

– Вы что, действительно не знаете, Карсон?

– Нет. И с этих пор прошу, зовите меня Ги. Или доктор Карсон, если вам так больше нравится. Я не люблю, когда меня называют просто по фамилии.

Она немного помолчала, а потом ответила:

– Хорошо, Ги. Эти шимпанзе заражены вирусом Х-гриппа. Тот, которого вы видели, находился в третьей стадии болезни. Вирус стимулирует активную выработку спинномозговой жидкости. Со временем давление выходит за пределы мозга через большое затылочное отверстие. Те, кому повезет, умирают в этот момент. Некоторые держатся до тех пор, пока у них не вываливаются глаза.

– Х-грипп? – спросил Карсон.

Он чувствовал, как пот стекает у него по лбу и под мышками, пропитывая внутреннюю поверхность костюма.

Вдруг Брендон-Смит резко остановилась. Послышался шум статических помех, и ученый услышал ее голос:

– Сингер, ты можешь объяснить мне, почему этот шут ничего не знает про Х-грипп?

– Я еще не рассказал ему о проекте, – ответил директор. – Это следующий шаг.

– Мистер Задом-наперед в своем репертуаре, – сказала она и повернулась к Карсону. – Идем, Ги, прогулка окончена.

Она оставила Карсона у выходного люка. Он прошел в помещение химической обработки и подождал необходимые семь минут, пока раствор под высоким давлением поливал его костюм. Вскоре он вернулся в раздевалку. Его слегка разозлило, когда он увидел, что директор, спокойный и отдохнувший, сидит за столом и решает кроссворд из местной газеты.

– Понравилась экскурсия? – спросил Сингер, подняв от газеты голову.

– Нет, – ответил Карсон, который тяжело дышал и пытался прогнать гнетущее ощущение, возникшее у него внутри гриппозного отсека. – Эта ваша Брендон-Смит хуже удара горячей сковородой по голове.

Сингер рассмеялся и покачал головой.

– Отлично сказано. Она самый блестящий ученый из всех, что работают у нас в настоящий момент. Знаешь, если мы добьемся успеха в этом проекте, то все сказочно разбогатеет. Включая тебя. Достаточно уважительная причина, чтобы потерпеть выходки Розалинды Брендон-Смит, тебе так не кажется? На самом деле она испуганная маленькая девочка, которая прячется под горой жирной плоти.

Он помог Карсону снять костюм и показал, как следует его сложить и убрать обратно в ящик.

– Я думаю, пришло время узнать про ваш таинственный проект, – сказал Карсон, закрывая шкафчик.

– Разумеется. Давай пойдем в мой кабинет и выпьем чего-нибудь холодненького.

Карсон кивнул.

– Понимаете, там был шимпанзе, и у него...

Сингер поднял руку.

– Я знаю, что ты видел.

– И что, черт подери, это было?

Директор остановился.

– Грипп.

– Что? Грипп? – переспросил его Карсон.

Сингер кивнул.

– Я никогда не слышал про грипп, от которого из черепа вываливаются глаза.

– Это очень необычный вид гриппа, – сказал директор.

Схватив Карсона за локоть, он провел его по коридорам сверхсекретной лаборатории, и они снова оказались под приятными лучами солнца пустыни.

* * *

Ровно без двух минут три Чарльз Левайн открыл дверь своего кабинета и проводил молодую женщину в джинсах и свитере в приемную.

– Спасибо, мисс Филдс, – с улыбкой сказал он. – Мы вам сообщим, если на следующий семестр у нас появится вакансия.

Когда студентка направилась к двери, профессор взглянул на часы.

– Это все, Рэй? – проговорил он, повернувшись к своему секретарю.

Тот с усилием оторвал глаза от попки мисс Филдс, которая шла к двери, и открыл ежедневник, лежащий на столе. Он пригладил свою безупречную стрижку, как у Бадди Холли⁸, и почесал мускулистую грудь под футболкой без рукавов.

– Да, доктор Левайн, – сказал он.

– Есть какие-нибудь сообщения? Нас вызывают в офис шерифа? Или кто-то предлагает руку и сердце?

Рэй ухмыльнулся и, прежде чем ответить, дождался, когда закроется входная дверь.

– «Борукки» звонила два раза. Очевидно, на эту фармацевтическую компанию из Литтл-Рок не произвела впечатления статья, вышедшая в прошлом месяце. Они подали на нас в суд за клевету.

– И сколько они требуют?

– Миллион, – пожав плечами, ответил секретарь.

– Скажи нашим друзьям-юристам, чтобы предприняли обычные шаги. – Профессор отвернулся. – Я не хочу, чтобы мне мешали, Рэй.

– Понял.

Левайн закрыл дверь.

По мере того как росла его скандальная слава в качестве выразителя идей Фонда генетической политики, Левайн обнаружил, что ему становится все труднее вести обычную жизнь профессора теоретической генетики. Природа организации делала его чем-то вроде громомотвода для определенного типа студентов: одиноких идеалистов, которым необходима яркая идея, чтобы отдаться ей без остатка. Кроме того, деятельность фонда превращала самого Левайна и его офис в мишень яростного гнева деловых кругов.

Когда его предыдущий секретарь уволился после серии угрожающих звонков, Левайн в качестве меры предосторожности сделал две вещи. Заменял замок на двери своего офиса и нанял Рэя. Его способности секретаря оставляли желать лучшего. Но, будучи бывшим спецназовцем ВМС США, уволенным из армии из-за шумов в сердце, он мастерски умел поддерживать мир и порядок. Складывалось впечатление, что все свободное время Рэй гоняется за юбками, но на работе он с равнодушным спокойствием относился к любым формам устрашения, и благодаря этой черте профессор считал его незаменимым.

Тяжелый засов с приятным стуком встал на место, Левайн подергал дверную ручку и, довольный результатом, быстро прошел между горами студенческих курсовых работ, научных журналов и старых экземпляров «Генетической политики» к своему столу. Приветливая, добродушная манера, с которой он проводил собеседования, осталась за дверью. Одной рукой он расчистил центр стола и раскрыл ноутбук. Затем достал из кармана портфеля черный предмет размером с пачку сигарет, с тонким серым проводком сбоку. Потянувшись вперед на стуле, Левайн выключил телефон, вставил его шнур в черную коробочку, а серый провод в заднюю панель компьютера.

Еще до того, как он в одиночку отправился в крестовый поход против генной инженерии, сделавший его имя ругательством в дюжине ведущих лабораторий по всему миру, Левайн получил несколько уроков по теме безопасности. Черная коробочка была специальным криптографическим устройством для передачи компьютерных данных по телефонному кабелю. В ней использовались собственные открытые шифровальные коды, гораздо более сложные, чем принятые стандарты. Считалось, что их невозможно взломать даже при помощи правительственных суперкомпьютеров. Обладание таким прибором являлось сомнительным с точки зрения закона. Но Левайн был активным деятелем тайного студенче-

---

⁸ Чарльз Хардин Холли, известный как *Бадди Холли*, – американский певец и автор песен, один из основоположников рок-н-ролла.

ского антивоенного общества до того, как он окончил Калифорнийский университет Ирвайн в тысяча девятьсот семьдесят первом году, и потому отлично умел пользоваться нетрадиционными и даже нелегальными методами, чтобы добиться своих целей.

Левайн включил компьютер и принялся постукивать пальцами по столу, пока тот загружался. Затем он начал быстро печатать, подключась к коммуникационной программе, которая по телефонной линии соединила его с другим компьютером и другим пользователем. Очень непростым пользователем.

Он подождал, когда его вызов будет перенаправлен по междугородным линиям связи, двигаясь к цели по сложному маршруту, который невозможно отследить. Наконец послышалось шипение другого модема, что означало ответ на вызов. Раздался пронзительный писк, когда два компьютера установили контакт; затем на экране профессора появилась уже знакомая картинка: фигурка в костюме мима, балансирующая на земном шаре на кончике пальца. Почти сразу же она исчезла, и возникли слова, бесплотные, словно напечатанные призраком.

Профессор! Что случилось?

Левайн напечатал:

Мне нужно попасть в сеть «Джин-Дайн».

Ответ появился мгновенно.

Элементарно. И что мы будем искать сегодня? Телефонные номера работников? Отчеты о прибылях и убытках? Последние достижения творцов смерти?

Мне нужен частный канал связи с «Маунт-Дрэгон».

На сей раз ответ пришел не так быстро.

Ого! Ого! И кому же сегодня вы решили оторвать яйца, месье профессор?

Не можете сделать?

Разве я сказал, что не могу? Вы не забыли, с кем разговариваете? В моей программе проверки орфографии вы не найдете слов «не могу». Я беспокоюсь не за себя, а за вас, дружище. Я слышал, что этот Скоупс – отвратительный тип. Он с удовольствием поймает вас, если вы начнете шарить у него под юбкой.

Вы уверены, что готовы стать темой главных новостей дня?

Левайн напечатал:

Вы за меня беспокоитесь? В это трудно поверить.

Почему, профессор? Ваша бессердечность меня ранит.

Вы хотите на этот раз получить деньги за свою работу? Дело в этом?

Деньги? Вот теперь вы нанесли мне оскорбление, и я требую сатисфакции. Встретимся в полнолуние перед киберпространственным салуном.

Мим, это очень серьезно.

А я всегда серьезен. Разумеется, я смогу решить вашу маленькую проблему. Кроме того, до меня дошли слухи, что Скоупс работает над какой-то грандиозной темой. Над чем-то очень интересным; это должно стать настоящим прорывом.

Но он ревниво относится к своим проектам и наверняка надел на него пояс верности. Возможно, когда я займусь решением вашей проблемы, я загляну на его личный сервер.

Этот вид дефлорации я люблю больше всего на свете.

Профессор раздраженно напечатал:

То, чем вы занимаетесь в свободное время, – ваше личное дело. Просто позаботьтесь о том, чтобы канал был безопасен.

И пожалуйста, сообщите мне, когда все будет готово.

СЧЭС.

Мим, я не понимаю, что это значит.

Господи, я постоянно забываю, что вы новичок. Здесь, в электронном пространстве, мы используем акронимы, чтобы наши эпистолярные упражнения были короткими и приятными. СЧЭС означает: «Считайте, что это сделано». Вам, ученым, стоило бы изучить нашу виртуальную книгу. Вот еще пример: ЯСВП, что значит: «Я с вами прощаюсь». Итак, ЯСВП, герр профессор.

Экран погас.

* * *

Офис Джона Сингера в юго-западной части административного здания скорее напоминал гостиную, нежели кабинет директора. В одном углу был камин в стиле кивы⁹, перед ним стояли диван и два кожаных кресла с подголовниками. У одной стены пристроился антикварный мексиканский комод, на котором лежала выдавшая виды гитара «мартин» и неряшливая стопка нот. Пол закрывал шерстяной ковер навахо, а стены украшали гравюры девятнадцатого века, посвященные покорению американцами новых земель, включая шесть рисунков Бодмера¹⁰, изображавших индейцев манданов и хидатса, жителей верховьев Миссури. Письменного стола не было, только компьютерный столик и телефон.

Окна выходили на пустыню Хорнада, где грунтовая дорога уходила в бесконечность. Лучи солнца вливались в затемненное окно, наполняя комнату светом.

Карсон сел в одно из кожаных кресел, а Сингер подошел к маленькому бару в дальнем конце комнаты.

– Что-нибудь выпьешь? – спросил он. – Пиво, вино, мартини, сок?

Карсон посмотрел на часы – было без четверти двенадцать. Его все еще немного подташнивало.

– Пожалуй, сок.

Сингер вернулся со стаканом клюквенно-яблочного сока в одной руке и мартини в другой. Он устроился на диване, откинувшись на спинку и положив ноги на столик.

---

⁹ Кива – церемониальное сооружение индейцев юга и юго-запада США.

¹⁰ Карл Бодмер (1809–1893) – швейцарский художник, картины которого посвящены Дикому Западу США, в частности жизни индейцев.

– Я знаю, что пить до полудня очень плохо, – сказал он. – Но это особый повод. – Он поднял свой бокал. – За Х-грипп.

– Х-грипп, – пробормотал Карсон. – Брендон-Смит сказала, что именно он убил шимпанзе.

– Совершенно верно.

Сингер сделал глоток и с удовольствием выдохнул.

– Прошу меня простить за прямоту, – сказал Карсон, – но я бы хотел узнать, что представляет собой этот проект. Я по-прежнему не понимаю, почему мистер Скоупс выбрал меня из – какого количества? – пяти тысяч ученых? И почему мне пришлось все бросить и в спешке мчаться сюда?

Директор устроился удобнее.

– Позволь мне начать с истоков. Ты знаешь обезьян, которые называются бонобо?

– Нет.

– Мы считали их карликовыми шимпанзе, пока не поняли, что это отдельный вид животных. Бонобо даже ближе к людям, чем обычные шимпанзе: они умнее, создают моногамные отношения, а их ДНК на девяносто девять и две десятых процента совпадает с нашим. Но что важнее: они болеют всеми нашими болезнями. Кроме одной.

Он замолчал и сделал еще глоток.

– Они не заражаются гриппом. Все остальные шимпанзе, а также гориллы и орангутанги им болеют. А бонобо – нет. Brent обратил внимание на этот факт около двух месяцев назад. Он прислал нам несколько особей, и мы провели ряд генетических исследований. Давай я тебе покажу, что мы обнаружили.

Сдвинув в сторону малахитовое яйцо, чтобы освободить место, Сингер открыл блокнот, лежавший на кофейном столике. Внутри листы были исписаны сериями букв, расположенными сложными лесенками.

– У бонобо есть ген, который делает их устойчивыми к гриппу. Не к одной или двум разновидностям, а ко всем шестидесяти, известным науке. Мы назвали его геном Х-гриппа.

Карсон принялся изучать записи в блокноте. Это был короткий ген, состоящий всего из нескольких сотен базовых пар.

– А как он работает? – спросил ученый, и Сингер улыбнулся.

– Мы не знаем. Чтобы это понять, нужны годы. Впрочем, Brent выдвинул гипотезу, что, если нам удастся ввести этот ген в ДНК человека, он сделает людей невосприимчивыми к гриппу. Первоначальные эксперименты в пробирках это подтвердили.

– Интересно, – ответил Карсон.

– Вот и я о том же. Если извлечь этот ген у бонобо и ввести тебе, ты больше никогда не будешь болеть гриппом. – Директор наклонился вперед и понизил голос: – Ги, что ты знаешь про грипп?

Карсон колебался. На самом деле кое-что ему было известно. Но Сингер производил впечатление человека, который не жалуется тех, кто зря бахвалится.

– Меньше, чем следовало бы. Прежде всего, люди воспринимают его слишком спокойно.

Директор кивнул.

– Совершенно верно. Они относятся к гриппу как к досадной неприятности. Но они ошибаются. Это одна из самых серьезных вирусных болезней в мире. Даже сейчас в Соединенных Штатах от нее умирают миллионы людей. В сезон заболевает около четверти населения, и это в удачные годы. Все забыли, что эпидемия свиного гриппа, случившаяся в тысяча девятьсот восемнадцатом году, унесла жизни одного из пятидесяти человек по всему миру.

Это была самая страшная пандемия в истории, хуже Черной смерти¹¹. А ведь она произошла в нашем веке. Если она повторится сегодня, мы окажемся почти так же беззащитны перед ней, как тогда.

– Вирулентные мутации гриппа могут убивать за несколько часов, – сказал Карсон. – Но...

– Минуту, Ги. Ключевым является слово «мутации». Серьезные пандемии возникают, когда вирус подвергается значительным изменениям. В нашем веке это произошло трижды, последний раз в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, когда мы имели дело с гонконгским гриппом. Давно пришло время – мы уже для этого созрели – для новой пандемии.

– А поскольку оболочка вирусной частицы постоянно мутирует, – сказал Карсон, – невозможно разработать надежную вакцину. Прививка содержит в себе коктейль из трех или четырех штаммов, она создана на основе предположений эпидемиологов относительно того, какой штамм активизируется в следующие полгода. Верно? Но они могут ошибиться, и тогда человек все равно заболит.

– Очень хорошо, Ги, – улыбнувшись, проговорил Сингер. – Нам известно о твоих исследованиях, посвященных вирусам гриппа, которые ты проводил в Массачусетском технологическом институте. Это одна из причин, почему тебя сюда пригласили.

Он быстро, одним глотком, осушил свой стакан.

– Возможно, ты не знаешь одного важного факта, а именно: из-за этой болезни мировая экономика теряет почти один триллион долларов ежегодно.

– Я этого действительно не знал.

– И еще один факт, вероятно тебе неизвестный: грипп является причиной появления на свет двухсот тысяч неполноценных детей в год. Когда у беременной женщины температура поднимается выше сорока градусов, в ее утробе может разразиться настоящий ад, который воздействует на развитие плода.

Он медленно втянул в себя воздух.

– Ги, мы работаем над величайшим медицинским открытием двадцатого века. И теперь ты стал членом нашей команды. Понимаешь, если ввести ген Х-гриппа в организм человека, он будет защищен от всех штаммов гриппа. Навсегда. Более того, его дети унаследуют этот иммунитет.

Карсон медленно поставил стакан и посмотрел на Сингера.

– Господи, – выдохнул он. – Вы хотите сказать, что генная терапия будет направлена на репродуктивные клетки?

– Совершенно верно. Мы собираемся навсегда изменить зародышевые клетки человеческой расы. И ты, Ги, сыграешь в этом центральную роль.

– Но мои работы по гриппу были всего лишь студенческими исследованиями, – сказал Карсон. – Меня интересовали другие проблемы.

– Я знаю, – ответил директор, – но послушай меня еще немного. Главное препятствие, с которым мы столкнулись, это введение гена Х-гриппа в ДНК человека. Разумеется, это должно быть сделано с использованием вируса.

Карсон кивнул. Он знал, что вирусы действуют путем внедрения своего ДНК в ДНК носителя. Это делает их идеальными векторами для обмена генами между особями, имеющими отдаленное родство. Поэтому генная инженерия по большей части именно так и использовала вирусы.

– Вот как это должно быть, – продолжал Сингер. – Мы внедрим штамм Х-гриппа в сам вирус гриппа. Если хочешь, используем его как троянского коня. Затем заразим человека

---

¹¹ *Черная смерть* – пандемия бубонной чумы, занесенной из Восточного Китая, охватившая Европу в середине XIV века.

этим вирусом. Как и в случаях с другими вакцинами, человек заболит, но в слабой форме. Тем временем вирус внесет ДНК бонобо в ДНК данного человека. Когда он поправится, у него уже будет ген Х-гриппа. И он сможет навсегда забыть про болезнь.

– Генная терапия, – сказал ученый.

– Точно, – подтвердил Сингер. – Сегодня это наше самое главное исследование. Генная терапия дает нам надежду на излечение всех видов генетически обусловленных болезней. Например, болезни Тея – Сакса¹², фенилкетонурии¹³, гемофилии и многих других. Наступит день, когда ребенок, родившийся с генетическим изъяном, сможет получить здоровый ген и вести нормальную жизнь. В нашем случае дефект, о котором идет речь, – это восприимчивость к гриппу. А изменения будут передаваться по наследству.

Директор вытер лоб.

– Я всегда прихожу в страшное возбуждение, когда говорю на эту тему, – сказал он и ухмыльнулся. – Я даже не мечтал о том, что смогу изменить мир, когда преподавал в Калифорнийском технологическом. Х-грипп заставил меня снова поверить в Бога, честное слово.

Он откашлялся.

– Мы очень близки к финишу, Ги. Но нам предстоит решить одну маленькую проблему. Когда мы вводим ген Х-гриппа в обычный вирус, он делает его вирулентным. Причем гораздо более заразным, чем он был раньше. И передается он с невероятной активностью. Вместо того чтобы стать безобидным переносчиком, протеиновая оболочка вируса, похоже, имитирует гормон, который стимулирует выработку спинномозговой жидкости. В гриппозном отсеке ты видел, какое действие вирус оказал на шимпанзе. Мы не знаем, что в такой ситуации ждет человека, но не сомневаемся, что хорошего будет мало.

Он встал и подошел к ближайшему окну.

– Твоя задача состоит в том, чтобы создать новую оболочку вируса-носителя Х-гриппа. Сделать его безвредным, чтобы он, попав в организм человека, не убил его, а ввел ген Х-гриппа в его ДНК.

Ученый открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл его. Он неожиданно понял, почему Скоупс выбрал из множества талантливых ученых «Джин-Дайн» именно его. Пока Фред Пек не заставил его выполнять простейшую работу, он специализировался на изучении протеиновых оболочек вирусов. Карсон знал, что их можно изменить или ослабить при помощи высоких температур, различных энзимов, радиации, даже путем создания других штаммов. Он сам все это делал. Существовало множество способов нейтрализации вируса.

– Проблема не выглядит сложной, – сказал он.

– Да, она кажется простой, но это не так. По какой-то причине, что бы мы ни делали, вирус всякий раз возвращается в свою смертоносную форму. Когда над этим работал Барт, он привил целую колонию шимпанзе предположительно безопасным штаммом вируса Х-гриппа. Но он постоянно возвращался в свое исходное состояние и... ты видел, к каким ужасным последствиям это привело – сильный отек мозга. Барт блестящий ученый. Если бы не он, мы никогда не смогли бы получить неокровь – искусственную кровь, стабильный и отличный продукт. Но загадка Х-гриппа привела его... – Сингер немного помолчал. – Он не выдержал напряжения.

– Я понимаю, почему все стараются избегать гриппозного отсека, – проговорил Карсон.

---

¹² *Болезнь Тея – Сакса* (ранняя детская амавротическая идиотия) – редкое наследственное заболевание нервной системы.

¹³ *Фенилкетонурия* (фенилпировиноградная олигофрения) – наследственное заболевание, связанное с нарушением метаболизма аминокислот.

– Это ужасно. И мне очень не нравится, что мы проводим эксперименты над шимпанзе. Но когда подумаешь о пользе для человечества...

Директор замолчал, глядя на пейзаж за окном.

– А зачем нужна такая секретность? – наконец спросил Карсон.

– По двум причинам. Мы предполагаем, что по крайней мере еще одна фармацевтическая компания проводит точно такие же исследования, и не хотим раньше времени раскрывать то, что нам удалось узнать. Но гораздо важнее другое: в мире существует огромное количество людей, которые боятся высоких технологий. И я их не виню. Если вспомнить про атомное оружие, радиацию, Три-Майл-Айленд¹⁴ и Чернобыль, неудивительно, что они с подозрительностью относятся к подобным вещам. И им не нравится идея генной инженерии. – Он повернулся к собеседнику. – Давай посмотрим правде в глаза: мы говорим о необратимом изменении человеческого генома. И тут может возникнуть множество возражений. Если люди выступают против генетически модифицированных овощей, что они скажут про то, что намерены сделать мы? С такой же проблемой мы столкнулись, когда речь зашла о неокрови. Поэтому Х-грипп должен быть полностью готов, когда мы объявим о его существовании всему миру. Тогда оппоненты не смогут привести свои доводы. А преимущества, которые нам даст препарат, заставят смолкнуть испуганные голоса небольшой группы пессимистов.

– Эта горстка может возмущаться довольно громко, – заметил Карсон, который иногда проходил мимо демонстрантов, протестовавших у ворот «Джин-Дайн», когда он ехал на работу или возвращался домой.

– Да. Существуют люди вроде Чарльза Левайна. Ты знаешь про его Фонд генетической политики? Весьма радикальная организация, задача которой – полностью уничтожить генную инженерию и вместе с ней Брента Скоупса.

Карсон кивнул.

– В колледже они дружили, Скоупс и Левайн. Господи, это такая интересная история. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе, что мне про это известно. Так вот, Левайн немного неуравновешенный человек, настоящий донкихот. Цель его жизни – отбросить научный прогресс назад. Мне говорили, что после того, как умерла его жена, он стал невыносим. А кроме того, он объявил Скоупсу вендетту, которая длится вот уже двадцать лет. К несчастью, в средствах массовой информации к его словам прислушиваются многие и печатают его галиматью. – Он отошел от окна. – Гораздо легче разрушить, чем построить, Ги. «Маунт-Дрэгон» – это самая безопасная в мире лаборатория, где ведутся исследования по генной инженерии. Никто, поверь мне, никто больше, чем Brent Скоупс, не заинтересован в благополучии своих служащих и надежности продуктов.

Карсон чуть было не сказал, что Чарльз Левайн являлся одним из его преподавателей на старшем курсе, но в последний момент передумал. Возможно, Сингер это и без него знал.

– Значит, вы хотите представить миру прививку Х-гриппа, когда работа будет полностью завершена. А поэтому такая спешка?

– Это одна из причин. – Сингер поколебался пару мгновений, а затем продолжил: – По правде говоря, Х-грипп имеет огромное значение для «Джин-Дайн». Я бы сказал, критическое. «Зерновой» патент Скоупса, приносящий ему солидные деньги – финансовая основа компании, – заканчивается через несколько недель.

– Но Скоупсу в этом году исполняется всего сорок лет, – сказал Карсон. – Патент не может быть таким старым. Почему он его не продлит?

---

¹⁴ *Три-Майл-Айленд* (Пенсильвания, США) – название острова, где расположена атомная электростанция, на которой 28 марта 1979 года произошло частичное расплавление активной зоны ядерного реактора. До чернобыльской катастрофы эта авария считалась крупнейшей в истории мировой ядерной энергетики.

Сингер пожал плечами.

– Я не знаю всех деталей. Мне известно только, что он истекает и его невозможно пролонгировать. Когда это произойдет, все дотации прекратятся. Неокровь будет внедрена только через два месяца, кроме того, потребуются годы на то, чтобы исследования и разработка окупилась. Другие наши новые продукты пока находятся в стадии апробации. Если в самом ближайшем времени не появится Х-грипп, «Джин-Дайн» придется урезать свои щедрые дивиденды. А это будет иметь катастрофические последствия для стоимости акций. И скажется на моих и твоих доходах.

Он повернулся и поманил Карсона.

– Иди сюда, Ги, – позвал он.

Карсон подошел к Сингеру. Из окна открывался великолепный вид на пустыню Хорнада-дель#Муэрто, которая тянулась до самого горизонта, растворяясь в огненной буре там, где земля соединялась с небом. На юге виднелось едва различимое нагромождение камней – судя по всему, руины древнего индейского поселения: несколько неровных стен, занесенных песком.

Сингер положил руку Карсону на плечо.

– Эти проблемы в настоящий момент ни в коей мере не должны тебя занимать. Подумай о возможностях, которые находятся на расстоянии вытянутой руки. Самый обычный врач, если ему повезет, в состоянии спасти сотни жизней. Ученый, занимающийся исследованиями в области медицины, может сохранить тысячи. Но ты, я, «Джин-Дайн» – мы собираемся помочь миллионам. Миллиардам.

Он показал на низкую горную гряду, расположенную на северо-востоке, которая поднималась над ослепительно-ярким песком, словно ряд черных зубов.

– Пятьдесят лет назад люди взорвали первый атомный заряд у подножия этих скал. Тринити находится отсюда всего в тридцати милях. Это была темная сторона науки. Теперь же, полвека спустя, в той же пустыне, у нас появился шанс восстановить ее доброе имя. На самом деле все просто и одновременно сложно.

Он сжал пальцами плечо Карсона.

– Ги, тебя ждет великое приключение твоей жизни. Думаю, это я могу тебе гарантировать.

Они стояли и смотрели на пустыню, и Карсон почувствовал ее огромную силу. Это ощущение по своему накалу было сродни религиозному экстазу. И он понял, что Сингер прав.

* * *

Карсон встал в половине шестого, спустил ноги с кровати и выглянул в открытое окно на горы Сан-Андрес. Внутри вливался прохладный ночной воздух, который нес с собой напряженную тишину предрассветного утра. Он сделал глубокий вдох. В Нью-Джерси ему с трудом удавалось заставить себя подняться с постели в восемь часов. Сейчас, уже на второй день в пустыне, он снова вернулся к своему привычному режиму.

Он смотрел, как исчезают звезды, пока на безоблачном небе на востоке не осталась одна Венера. Небосвод пустыни окрасился в необычный зеленый цвет, постепенно уступив место желтому оттенку. Очень медленно из синих теней начали проступать очертания растений. Тонкие переплетенные ветки мескитовых деревьев и высокая трава тобоза были разбросаны тут и там, на расстоянии друг от друга, и Карсон подумал, что жизнь в пустыне одинока и ненавязчива.

Его комната была довольно просторной, с удобной мебелью: кровать, мягкий гарнитур, огромный письменный стол и книжные полки. Он принял душ, побрился и надел белый медицинский костюм, чувствуя то страх, то возбуждение перед предстоящим днем.

Накануне он потратил вечер на то, чтобы стать членом команды «Маунт-Дрэгон»: заполнял анкеты, его фотографировали и записывали голос. Кроме того, он прошел самое тщательное обследование в своей жизни. Доктор комплекса Лайл Грэди оказался худым невысоким человечком с пронзительным голосом. Он практически не улыбался, когда вносил данные в свой компьютер. После короткого ужина с Сингером Карсон рано отправился спать. Он хотел как следует отдохнуть.

Рабочий день в «Джин-Дайн» начинался в восемь утра. Карсон никогда не завтракал – привычка, сохранившаяся со времен, когда отец поднимал его очень рано и заставлял в темноте седлать лошадь, – но отыскал кафетерий и, прежде чем отправиться в свою новую лабораторию, быстро выпил чашку кофе. Внутри никого не оказалось, и Карсон вспомнил замечание Сингера, которое тот сделал накануне. «Мы тут много едим за обедом, – сказал он. – Завтрак и ланч не слишком популярны. Работа в гриппозном отсеке портит аппетит».

Когда Карсон пришел в гриппозный отсек, люди быстро переодевались в полном молчании. Все поворачивались, чтобы взглянуть на новичка, одни дружелюбно, другие с любопытством, а некоторые сдержанно. Затем в раздевалке появился Сингер, чье круглое лицо светилось радостной улыбкой.

– Как спал? – спросил он, дружески похлопав Карсона по спине.

– Неплохо, – ответил тот. – Мне не терпится приступить к работе.

– Хорошо. Я хочу познакомить тебя с твоей ассистенткой. – Он огляделся по сторонам. – А где Сюзанна?

– Она уже внутри, – ответил один из лаборантов. – Она пришла раньше, чтобы проверить какие-то культуры.

– Твоя лаборатория – «С», – сказал Сингер. – Розалинда тебе показала, как туда попасть?

– Более или менее, – сказал Карсон, натягивая защитный костюм, который он достал из шкафчика.

– Отлично. Ты, наверное, захочешь начать с лабораторных записей Фрэнка Барта. Сюзанна позаботится о том, чтобы ты получил все необходимое.

Закончив с помощью Сингера одеваться, Карсон последовал за остальными в химический душ, а затем оказался в лабиринте узких коридоров и шлюзовых камер лаборатории пятого уровня биологической защиты. Он снова обнаружил, что ему трудно приспособиться к ограниченному пространству костюма и необходимости полагаться на воздушные трубки. Он несколько раз свернул не туда, но в конце концов оказался перед металлической дверью с табличкой «Лаборатория „С“».

Внутри он увидел неуклюжую фигуру, склонившуюся над столом для образцов и переставляющую чашки Петри. Карсон нажал на одну из кнопок интеркома на своем костюме.

– Привет. Вы Сюзанна?

Фигура выпрямилась.

– Я Ги Карсон, – представился он.

В интеркоме послышался негромкий голос:

– Сюзанна Кабеса де Вака.

Они неуклюже пожали руки.

– Эти костюмы – настоящая заноза, – раздраженно сказала де Вака. – Значит, вас взяли на место Барта.

– Совершенно верно, – подтвердил Карсон.

Она заглянула в его визор.

– Латиноамериканец? – спросила она.

– Нет, англоамериканец, – ответил Карсон немного быстрее, чем намеревался.

Наступило короткое молчание.

– Хм, – проговорила ассистентка, внимательно всматриваясь в его лицо. – Выговор у вас такой, будто вы откуда-то из этих мест.

– Я вырос в Бутхиле.

– Так я и знала! Ну, Ги, мы с вами здесь единственные аборигены.

– Вы из Нью-Мексико? Откуда?

– Я приехала сюда около двух недель назад, меня перевели из комплекса в Альбукерке. Сначала приписали к медикам, но сейчас я заменяю ассистентку доктора Барта. Она ушла через несколько дней после него.

– А вы откуда? – спросил Карсон.

– Из маленького горного городка под названием Тручас. Примерно в тридцати милях от Санта-Фе.

– Я имел в виду, где вы родились.

Снова возникла пауза.

– Я родилась в Тручаче, – бросила она.

– Ладно.

Карсона поразила ее резкий тон.

– Вы имели в виду, до того, как мы переплыли Рио-Гранде?

– Вовсе нет. Я всегда уважал мексиканцев...

– Мексиканцев?

– Да. Некоторые из самых лучших работников на нашем ранчо были мексиканцами, а в детстве у меня было много друзей из их числа.

– Моя семья, – ледяным тоном перебила его женщина, – прибыла в Америку вместе с доном Хуаном де Оньяте¹⁵. Дон Алонсо Кабеса де Вака и его жена чуть не умерли от жажды, когда пересекали эту самую пустыню. В тысяча пятьсот девяносто восьмом году, вне всякого сомнения, намного раньше, чем ваши пропыленные предки-фермеры достигли Бутхила. И я глубоко тронута тем, что у вас в детстве были друзья-мексиканцы.

Она отвернулась и снова занялась чашками Петри, впечатывая их номера в компьютер «Пауэрбук».

«Господи, – подумал Карсон, – Сингер не шутил, когда сказал, что здесь все находятся в состоянии стресса».

– Мисс де Вака, – сказал он, – надеюсь, вы понимаете, что я всего лишь пытался вести себя доброжелательно.

Ученый дождался ответа, но ассистентка продолжала сортировать посуду и печатать.

– Это не имеет никакого значения, но я родом не из семьи переселенцев. Моим предком был Кит Карсон, а прадед получил участок земли, на котором построил ранчо, где я вырос. Карсоны живут в Нью-Мексико почти двести лет.

– Полковник Кристофер Карсон? Ну и ну! – сказала она, не поднимая головы. – В колледже я писала о нем работу. Скажите, вы потомок его жены-испанки или индианки?

Карсон промолчал.

– Наверняка от той или от другой, – продолжала она. – Потому что, на мой взгляд, вы совершенно не похожи на англоамериканца.

Она сложила чашки Петри и убрала их на стальную полку в стене.

---

¹⁵ Дон Хуан де Оньяте-и#Салазар (1552–1626) – испанский конкистадор, губернатор провинций Новая Мексика и Новая Испания. Основал многочисленные города на юго-западе нынешних США.

– Я не определяю себя в соответствии со своим расовым происхождением, мисс де Вака, – сказал Карсон, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

– Кабеса де Вака, а не де Вака, – ответила она, занявшись сортировкой другой стопки чашек Петри.

Карсон сердито нажал на кнопку интеркома.

– Мне плевать, Кабеса вы или Ковальски. Я не собираюсь спускать грубость ни вам, ни грузовику на ногах по имени Розалинда, ни, вообще говоря, кому-либо еще.

На мгновение повисла тишина, а затем женщина рассмеялась.

– Карсон, посмотрите: тут две кнопки. Одна предназначена для личных переговоров по локальному каналу, а другая – для общей передачи. Постарайтесь больше их не путать, иначе все в гриппозном отсеке слышат то, что вы говорите.

В интеркоме послышалось шипение.

– Карсон? – раздался голос Брендон-Смит. – Хочу, чтобы ты знал, что я все слышала, кривоногий придурок.

Ассистентка фыркнула.

– Мисс Кабеса де Вака, – сказал Карсон, сражаясь с кнопками интеркома, – я хочу делать свою работу. Вы меня поняли? Меня не интересуют мелкие склоки, и я не намерен разбираться в ваших проблемах с самоидентификацией. Так что вспомните, что вы мой ассистент, и покажите, как я могу получить доступ к записям доктора Барта.

После его слов в лаборатории повисло холодное молчание.

– Отлично, – наконец проговорила де Вака и показала на серый ноутбук, стоящий за небольшой ширмой у входного люка. – Этот компьютер принадлежал Барту. Теперь он ваш. Если вы хотите просмотреть его файлы, сетевые переключатели находятся в гнезде около вашего левого локтя. Вам известны условия хранения данных?

– Вы имеете в виду директиву насчет записей на бумаге?

В Нью-Джерси сотрудники «Джин-Дайн» были обязаны хранить всю информацию только в компьютерах компании.

– Здесь правила жестче, – сказала де Вака. – Никаких копий. Никаких ручек, карандашей и бумаги. Все результаты тестов, все лабораторные исследования, все, что вы делаете и о чем думаете, должно быть внесено в ваш «Пауэрбук» и отправлено на главный компьютер по крайней мере один раз в день. Записка, оставленная на столе, будет поводом для немедленного увольнения.

– И зачем все это?

Де Вака пожала плечами внутри своего защитного костюма.

– Скоупсу нравится просматривать наши записи, чтобы знать, чем мы занимаемся, и вносить свои предложения. Он сидит в Бостоне и ночи напролет блуждает по киберпространству, сует нос во все, всех проверяет. Такое впечатление, что он вообще не спит.

Карсон уловил нотку неуважения в ее голосе. Он включил ноутбук и подсоединил сетевой кабель к устройству на стене, затем позволил де Ваке показать ему, где Барт хранил свои данные. Он напечатал несколько коротких команд, злясь на свои неуклюжие пальцы в толстых перчатках, и стал ждать, пока файлы скопируются на жесткий диск ноутбука. Затем он загрузил записи своего предшественника в процессор компьютера.

«18 февраля. Первый день в лаборатории. Доктор Сингер рассказал про неокровь мне и другому новичку, Р. Брендон-Смит. Вечер провел в библиотеке, изучал прецеденты инкапсуляции свободного гемоглобина. С моей точки зрения, проблема...»

– Вам это не нужно, – сказала де Вака. – Это старый проект, еще до того, как я здесь появилась. Листайте, пока не увидите X-грипп.

Карсон пролистал записи за три месяца и нашел место, где говорилось о завершении Бартом работы над искусственной кровью и появились планы касательно X-гриппа. Они раз-

ворачивались перед ним в сдержанных, точных формулировках: блестящий ученый, только что триумфально завершивший один проект, без промедления приступает к другому. Барт использовал придуманный им самим процесс фильтрации – прославивший его имя в «Джин-Дайн» – для синтеза неокрови, и его записи были полны энтузиазма и оптимизма. В конце концов, задача нейтрализовать вирус Х-гриппа и приступить к тестированию его на людях казалась совсем простой.

День за днем Барт работал над разными аспектами проблемы: моделировал на компьютере оболочку протеина; использовал ферменты, нагревание и химикаты; с невероятной скоростью атаковал его то с одной стороны, то с другой. Тут и там в записях в огромном количестве встречались заметки Скоупса, который, похоже, просматривал результаты работы Барта несколько раз в неделю. Компьютер также зафиксировал множество разговоров онлайн между Бартом и Скоупсом. Читая их, Карсон обнаружил, что Скоупс разбирается в технических моментах своего бизнеса, и испытал к нему уважение, а также позавидовал легкой фамильярности Барта с генеральным директором «Джин-Дайн».

Впрочем, несмотря на бьющую через край энергию Барта и его постоянные нетривиальные решения, на Х-грипп, казалось, ничего не действует. Изменить протеиновую капсулу, окружающую сам вирус, было совсем просто. Всякий раз оболочка оставалась стабильной в искусственных условиях, и Барт переходил к испытаниям на животных, вводя измененный вирус шимпанзе. Некоторое время не было никаких симптомов, но потом обезьяны умирали мучительной смертью.

Карсон просматривал страницу за страницей, на которых постепенно впадающий в отчаяние Барт записывал неизменные и необъяснимые неудачи экспериментов. Через некоторое время заметки потеряли четкость и лишенный эмоций тон и стали более беспорядочными и личными. Начали попадаться едкие высказывания об ученых, с которыми Барт работал, особенно о Розалинде Брендон-Смит. Она вызывала у него отвращение.

Примерно за три недели до того, как Барт покинул «Маунт-Дрэгон», стали появляться стихи. Как правило, десять строк или меньше, посвященных скрытой, незаметной красоте науки: четвертичной структуре протеина глобулина, голубому сиянию излучения Вавилова – Черенкова¹⁶. Они были лиричными и трогательными; впрочем, Карсону становилось не по себе, когда они возникали между колонками результатов тестов, незванные, словно гости с другой планеты.

Одно из стихотворений посвящалось углероду:

Углерод,
Самый прекрасный из элементов.
Твое разнообразие бесконечно,
Цепи, кольца, ветви, бакиболы, боковые ответвления,
ароматические соединения.
Твой коэффициент преломления убивает шахов и мыслителей.
Углерод!
Ты был с нами на улицах Сайгона,
Ты был везде, ты парил в воздухе,
Невидимый в страхе и поту,
Напалм.
Без тебя мы ничто.
Углеродом мы были и углеродом станем.

---

¹⁶ *Излучение Вавилова – Черенкова* – свечение, вызываемое в прозрачной среде заряженной частицей, которая движется со скоростью, превышающей фазовую скорость распространения света в этой среде.

Довольно быстро записи стали отрывистыми и разрозненными. Карсону все труднее было следовать за логикой Барта, перескакивавшего с одной мысли на другую.

Но Скоупс постоянно присутствовал на заднем плане; теперь его комментарии и предложения стали более критичными и саркастичными. Их разговоры были похожи на конфронтацию: Скоупс вел себя агрессивно, Барт уклончиво, почти виновато.

«Барт, где ты был вчера?»

«Взял выходной и гулял за периметром».

«Каждый потерянный день, когда не найдено решение проблемы, стоит „Джин-Дайн“ миллион долларов. А доктор Барт решил взять выходной и отправиться на прогулку стоимостью в миллион. Очень мило. Ты забыл, что все на тебя рассчитывают, Фрэнк? Наш проект зависит от тебя».

«Брент, я не могу работать без передышки. Мне нужно время, чтобы побыть одному и подумать».

«И о чем же ты думал?»

«О своей первой жене».

«Боже милостивый, он думал о своей первой жене! Миллион долларов, Фрэнк, за то, чтобы поразмышлять о чертовой первой жене. Надо бы тебя прикончить, честное слово!»

«Просто я не мог вчера работать. Я испробовал все, включая рекомбинантные вирусные вектора. У этой задачи нет решения».

«Фрэнк, я ненавижу тебя за одно то, что ты так думаешь. Нет нерешаемых проблем. Помнишь, ты сам это говорил про кровь? И ты справился с той задачей. Ты сумел, Фрэнк, подумай об этом! И я люблю тебя за то, что ты сделал, Фрэнк, честное слово. Я уверен, что ты снова сможешь добиться успеха. Клянусь, ты получишь Нобелевскую премию за свое открытие».

«Бессмысленно соблазнять меня славой, Брент. И деньгами тоже. Ничто не в состоянии сделать невозможное возможным».

«Не говори так, Фрэнк. Пожалуйста. Мне больно слышать это слово от тебя, потому что оно ложно. Невозможность есть ложь. Вселенная огромна, это удивительное место, здесь все возможно. Ты напоминаешь мне Алису в Стране чудес. Помнишь ее разговор с Королевой как раз на эту тему?»

«Нет, не помню. И не думаю, что „Алиса в Стране чудес“ поможет мне поверить в невозможное».

«Ах ты, сукин сын, если я еще раз услышу это слово, я приеду к вам и прикончу тебя голыми руками. Послушай, я дал тебе все необходимое. Прошу тебя, Фрэнк, возвращайся и сделай то, что нужно. Я уверен, ты можешь. Почему бы тебе не начать все с самого начала? Возьми какие-нибудь другие клетки, что-то на самом деле невероятное, вроде нового вируса, макрофага¹⁷. Или реовирус¹⁸. Что-нибудь, что позволит тебе подойти к проблеме с неожиданной стороны. Договорились?»

«Хорошо, Брент».

Затем несколько дней не было никаких записей. А двадцать девятого июня – примерно через две недели – появились лихорадочные строчки, наполненные апокалиптическими образами и зловещими, бессвязными предсказаниями. Несколько раз Барт упоми-

---

¹⁷ *Макрофаги* – клетки в животном организме, способные к активному захвату и перевариванию бактерий, остатков погибших клеток и других чужеродных или токсичных для организма частиц.

¹⁸ *Реовирус* – представитель группы небольших РНК-содержащих вирусов, которые могут поражать дыхательные пути и кишечник человека, не вызывая при этом никаких серьезных заболеваний.

нал «ключевой фактор», так ни разу и не объяснив, что это такое. Карсон покачал головой. Его предшественник очевидным образом повредился рассудком и начал придумывать решения, которые его рациональный ум был не в состоянии отыскать.

Ученый откинулся на спинку стула, чувствуя, как под защитным костюмом собирается пот между лопатками и около локтей. Впервые он ощутил легкий укол страха. Как он может добиться успеха там, где потерпел неудачу исследователь уровня Барта – и не только потерпел неудачу, но еще и лишился рассудка в процессе своей работы? Он поднял голову и увидел, что на него смотрит де Вака.

– Вы это читали? – спросил он.

Она кивнула.

– Как... я хочу сказать, чего они от меня ждут?

– Ваша проблема, – ровным голосом ответила она. – Это не у меня степени из Гарварда и Массачусетского технологического института.

Остаток дня Карсон провел, перечитывая заметки о первых опытах, стараясь не обращать внимания на отвлекающие запутанные записи Барта о лабораторных экспериментах. К вечеру он начал чувствовать себя немного увереннее. В Массачусетском технологическом институте он работал с новой рекомбинантной ДНК; Барт про этот метод не знал. Карсон составил схему, изображающую проблему, затем разбил ее на части, которые, в свою очередь, разделил на простые задачи.

Когда рабочий день близился к концу, Карсон начал составлять собственный план исследований. Он понял, что еще многое можно сделать. Он встал, потянулся и принялся смотреть, как де Вака подключается к сети.

– Не забудьте внести в компьютер данные о своей работе, – сказала она. – Я уверена, что Большой Брат захочет сегодня вечером проверить, что вам удалось сделать.

– Спасибо, – ответил Карсон, внутренне усмехнувшись при мысли, что Скоупс станет тратить время, просматривая его записи.

Скоупс и Барт явно были друзьями, но Карсон продолжал оставаться лаборантом третьего уровня из отделения компании в Эдисоне. Он ввел в компьютер все, что сделал за день, а затем последовал за де Вакой, которая медленно шла к выходу из гриппозного отсека.

В раздевалке он отстегнул визор и, сражаясь с нижней частью защитного костюма, бросил взгляд на свою ассистентку. Она уже убрала свой защитный костюм и тряхнула головой, чтобы привести в порядок волосы. Карсон с изумлением обнаружил, что перед ним не коренастая сеньорита, какой он себе ее представлял, а стройная, невероятно красивая молодая женщина с длинными черными волосами, смуглой кожей и царственным лицом с карими глазами.

Она повернулась и заметила его взгляд.

– Держи свои гляделки при себе, *sabón*¹⁹, – сказала она, – если, конечно, не хочешь закончить свои дни, как один из наших шимпанзе.

Она надела сумку на плечо и вышла из комнаты, а все остальные разразились громким хохотом.

* * *

Комната была восьмиугольной. Каждая стена тянулась к потолку с крестовидными сводами, в пятидесяти футах выше, освещенному мягким светом невидимых ламп. Семь стен занимали громадные экраны с плоскими мониторами, в настоящий момент темными.

---

¹⁹ Здесь: мерзавец, подонок (исп.).

В восьмой была дверь, на одном уровне со стеной, маленькая, но невероятно толстая из-за внутренней звукоизоляции. И хотя помещение находилось на высоте шестидесяти этажей над Бостонской гаванью, тут не оказалось ни одного окна. Пол был выложен редкой танзанийской плиткой мбанга приглушенных пепельно-серых тонов.

Внутренняя сторона двери была из толстого сплава с металлическими вставками. Ручку заменял сканер для идентификации сетчатки глаза «Айидентифай» и устройство, считывающее рисунок ладони, «Фингерматрикс». Рядом с дверью, под стерилизующим ультрафиолетовым светом, стоял ряд пробковых тапочек. Их размеры были указаны на носках крупными цифрами. Под установленной наверху камерой, которая постоянно вращалась, висела табличка с надписью: «Пожалуйста, всегда говорите тихо».

За ней находился длинный, тускло освещенный коридор, который вел к шахте лифта и посту охраны. По обе его стороны располагались ряды закрытых дверей, ведущих в кабинеты службы безопасности, кухни, изолятор, к электростатическим очистителям воздуха, а также в комнаты слуг, обеспечивающих многочисленные нужды хозяина восьмиугольного кабинета.

Первая дверь была открыта, а за ней взгляду представала комната, отделанная вишневым деревом, с мраморным камином, паркетным полом, покрытым персидским ковром, и несколькими картинами школы реки Гудзон²⁰. В центре стоял великолепный стол из красного дерева, единственным электрическим устройством на нем был старинный телефон с диском. За столом сидел человек в костюме и что-то писал на листке бумаги.

В сводчатый потолок огромной восьмиугольной комнаты была вделана лампа, от которой в самый центр падал тонкий, ослепительно-белый луч. В световом пятне стоял выдавший виды диван, какие были в моде в семидесятых годах. Подлокотники потемнели от времени, а из протертой подушки торчали куски наполнителя. Передний край был замотан серебристой клейкой лентой. Несмотря на неказистый, потрепанный вид, диван обладал одним существенным достоинством: он был невероятно удобен.

По обе стороны от него, словно на страже, стояли два дешевых приставных столика в псевдоантичном стиле. На одном находились большой телефон, несколько электронных устройств в черных ящиках из гладко отполированного металла и видеокамера, направленная на диван. Другой столик был пустым, но на нем остались многочисленные пятна от жирных корочек с пищей и липких банок с кока-колой.

Перед диваном стоял огромный рабочий стол. В отличие от остальной мебели в комнате он поражал своей необыкновенной красотой. Столешница была вырезана из клена «птичий глаз», отполирована и покрыта лаком, чтобы подчеркнуть безупречную красоту дерева. По краям клен окружали черные массивные полосы из железного дерева, украшенные сложным геометрическим рисунком, выложенным декоративными ореховыми вставками. Рисунок изображал Наадаа, священную кукурузу, которая являлась основой религии древних индейцев анасази. Зерна этой кукурузы сделали обитателя комнаты очень богатым человеком. На столе лежала беспроводная компьютерная клавиатура, из ее бока торчала короткая антенна.

В остальном громадная комната была пустой и по-больничному стерильной. Единственным исключением являлся огромный музыкальный инструмент, стоявший за кругом света, – шестиоктавный рояль, предположительно сделанный для Бетховена в тысяча восемьсот двадцатом году в Гамбурге фирмой Отто Шахтера. Корпус и крышка рояля, выполненные из розового дерева, были искусно украшены сценками в стиле рококо, изображавшими нимф и речных богов.

---

²⁰ Школа реки Гудзон – одна из наиболее влиятельных школ живописи США XIX века.

Мужчина в черной футболке, синих джинсах и тапочках, украшенных яркими бусинами, какие носят индейцы сиу, сидел сгорбившись за инструментом – голова опущена, руки неподвижно замерли на клавишах из слоновой кости. В течение нескольких минут вокруг него царил тишина. Затем ее разорвал диссонирующий уменьшенный септаккорд, который превратился в меланхоличный си минор: первые звуки последней сонаты для фортепиано Бетховена, опус сто одиннадцать. Торжественное вступление гулким эхом унеслось к сводчатому потолку. Вступление перешло в *Allegro con brio ed appassionato*, и комната наполнилась громкой музыкой, заглушившей сигнал входящего видеовызова. Впрочем, ничего не изменилось – стройная фигура склонилась над клавишами, неряшливые волосы подпрыгивают в такт движениям рук. Сигнал прозвучал снова и опять остался незамеченным. Наконец один огромный экран на стене ожил, и на нем появилось заляпанное грязью, мокрое от дождя лицо.

Музыка мгновенно стихла, рояль замолчал. Худощавый мужчина выругался и, захлопнув с громким стуком крышку, встал.

– Брент? – позвал его человек с экрана. – Это вы?

Скоупс подошел к старому дивану, резко уселся на него, скрестив ноги, и положил на колени компьютерную клавиатуру. Он напечатал несколько команд, а затем посмотрел на огромное лицо на экране.

Перепаханное грязью лицо принадлежало человеку, сидящему в «рейнджровере». За залитыми дождем окнами виднелась зеленая вырубка, похожая на глубокую рану среди окружавших ее со всех сторон джунглей Камеруна. Она представляла собой море грязи, превращенное в лунный пейзаж следами сапог и протекторами машин. По краям лежали поваленные стволы деревьев. В нескольких футах от «рейнджровера» стояли раскачивающиеся пирамиды клеток, сделанных из тростника и сетки. Мохнатые лапы торчали наружу, на мир взирали несчастные детские глаза.

– Как дела, Род? – устало спросил Скоупс, поворачиваясь к камере, стоявшей на столе.

– Погода отвратительная.

– Здесь тоже идет дождь, – сказал Скоупс.

– Да, но ты не знаешь, что такое дождь, пока не...

– Я уже три дня жду известий от тебя, Фальфа, – перебил его Скоупс. – Что, черт побери, происходит?

На лице его собеседника появилась заискивающая улыбка.

– У нас возникли проблемы с бензином для грузовиков, не могли достать. Последние две недели целая деревня провела в джунглях, за доллар в день. Они разбогатели, а у нас есть пятьдесят шесть детенышей шимпанзе.

Он ухмыльнулся и вытер нос, но в результате еще больше размазал грязь по лицу. Возможно, это была вовсе не грязь. Скоупс отвернулся.

– Мне нужно, чтобы через шесть недель они были в Нью-Мексико, а уровень смертности не превысил пятидесяти процентов.

– Пятьдесят процентов! Это круто, – сказал Фальфа. – Обычно...

– Эй, Фальфа!

– Что?

– Ты считаешь, что это круто? Тебе стоит посмотреть, что произойдет с Родни П. Фальфой, если в Нью-Мексико прибудет больше трупов, чем живых шимпанзе. Ты только взгляни, как они сидят на проклятом дожде!

Наступило молчание, потом Фальфа посигналил, и в окне появилось лицо африканца. Фальфа на полдьюма приоткрыл окно, и Скоупс услышал жалобные крики животных, доносившиеся снаружи.

– Охотники, – сказал Фальфа на пиджин-инглиш. – Прикройте эту добычу, слышите меня? За каждый кусок мяса, который помрет, у охотников отнимут один шиллинг.

– Чего? – раздался голос рядом с «рейнджровером». – Масса обещал отнять...

– Делай, что я сказал. – Фальфа быстро закрыл окно, и жалобы африканца стихли, а сам Фальфа повернулся к Скоупсу и снова ухмыльнулся. – Быстрая реакция?

Глава «Джин-Дайн» холодно на него посмотрел.

– Отвратительная. Тебе не кажется, что шимпанзе необходимо покормить?

– Точно!

Фальфа снова нажал на клаксон, а Скоупс отключил видеосвязь и откинулся на спинку дивана. Он напечатал еще несколько команд, потом остановился. Неожиданно он выругался и сердито швырнул клавиатуру в противоположный конец комнаты. Она с грохотом ударилась о стену, одна кнопка вылетела и застучала по гладко отполированному полу. Скоупс плюхнулся на диван и замер.

Через несколько мгновений с шипением открылась дверь, и на пороге появился высокий мужчина лет шестидесяти. Он был в угольно-черном костюме, накрахмаленной белой рубашке, голубом шелковом галстуке и в ботинках с тупыми носами. Картину дополняли седые виски, серые глаза и маленький, словно точеный, нос.

– Все в порядке, мистер Скоупс? – спросил вошедший.

Тот махнул рукой в сторону клавиатуры.

– Она разбилась.

Секретарь иронично улыбнулся.

– Насколько я понимаю, мистер Фальфа наконец с вами связался.

Владелец «Джин-Дайн» рассмеялся и принялся приглаживать непослушные волосы.

– Точно. Ловцы животных – самый низший вид человеческих существ, с какими мне приходилось сталкиваться. Очень печально, что «Маунт-Дрэгон» страдает ненасытным аппетитом и им постоянно нужны шимпанзе.

Спенсер Фэрли кивнул.

– Жаль, что вы не можете поручить кому-нибудь другому заниматься деталями, сэр. У меня сложилось впечатление, что они вас чрезвычайно расстраивают.

Глава корпорации покачал головой.

– Этот проект слишком важен.

– Конечно, сэр. Я могу принести вам что-нибудь еще, кроме новой клавиатуры?

Скоупс рассеянно помахал рукой в воздухе. Когда секретарь уже повернулся, собираясь уйти, Скоупс снова неожиданно заговорил:

– Подожди. Я вспомнил, у меня к тебе два вопроса. Ты видел вчера вечером новости по седьмому каналу?

– Как вам известно, сэр, я не люблю телевизоры и компьютеры.

– Ты старая окаменелость с Маячного холма, – с нежностью проговорил Скоупс.

Фэрли был единственным среди служащих компании, кому глава «Джин-Дайн» разрешил называть себя «сэр».

– Что бы я делал, если бы ты не показывал мне, как живет незнакомая с электронными устройствами половина населения? Так вот, вчера вечером на седьмом канале шел разговор про двенадцатилетнюю девочку, большую лейкемией. Она мечтает перед смертью побывать в «Диснейленде». Обычные штучки, которые нам скармливает телевидение. Я забыл ее имя. Ты не мог бы организовать для нее и ее семьи поездку в «Диснейленд», частный самолет, все оплачено, лучшие отели, лимузины и тому подобное? И прошу тебя, строго анонимно. Я не хочу, чтобы этот мерзавец Левайн снова начал надо мной потешаться и вывернул все наизнанку. Дай им денег, чтобы оплатить медицинские счета, скажем, тысяч пятьде-

сят. Мне они показались хорошими людьми. Наверное, ужасно, когда твой ребенок умирает от лейкемии. Я даже представить такого не могу.

– Слушаюсь, сэр. Вы очень добры, сэр.

– Помнишь, что Сэмюэль Джонсон сказал: «Лучше жить богатым, чем умереть богатым». И не забудь: полная анонимность. Я не хочу, чтобы даже они знали, кто это сделал. Договорились?

– Я все понял.

– И еще. Когда я вчера был в Нью-Йорке, на пересечении Парк-авеню и Пятидесятой улицы меня чуть не переехало такси.

Прочитать выражение лица секретаря не представлялось возможным.

– Это было бы огромное несчастье для нас.

– Спенсер, знаешь, что мне в тебе нравится? Ты такой чудной, что я никогда не могу понять, оскорбил ты меня или сказал комплимент. Значит так, номер на крыше такси – четыре-А-пять-шесть. Позаботься о том, чтобы водитель лишился лицензии. Я не хочу, чтобы сукин сын переехал какую-нибудь старушку.

– Слушаюсь, сэр.

Когда маленькая дверь с шипением закрылась, а потом раздался щелчок, Скоупс встал и задумчиво направился назад к роялю.

* * *

В шлеме Карсона прозвучал громкий сигнал, и он, вздрогнув, оторвался от экрана терминала. В следующее мгновение он снова расслабился. Это был его третий день в комплексе; и он решил, что рано или поздно привыкнет к напоминанию, что уже шесть часов вечера. Он потянулся и окинул взглядом лабораторию. Де Вака была в отделении патологии, и он вполне мог закончить работу. Он тщательно набрал последние несколько абзацев, описывая все, что ему удалось сделать за день. Когда ученый подсоединил ноутбук к сети и выгрузил свои файлы, он испытал чувство гордости, с которым не мог совладать. Два дня работы, и он уже точно знал, что следует предпринять дальше. Знакомство с последними достижениями в лабораторных исследованиях – именно то, что ему требовалось. Теперь оставалось только претворить идеи в жизнь.

Он помедлил мгновение, увидев в нижней части экрана сообщение.

Джон Сингер@Исполн. Дрэгон вызывает.

Нажмите управляющую клавишу, чтобы начать разговор.

Карсон поспешно перешел в режим форума и вызвал Сингера. Он не подключался к сети весь день и не знал, когда директор пытался с ним связаться.

На экране появился вопрос Сингера:

Как дела, Ги?

Карсон напечатал в ответ:

Хорошо. Я только сейчас увидел, что вы меня вызывали.

Тебе следует завести привычку оставлять свой ноутбук подключенным к сети все время, пока ты находишься в лаборатории. И скажи Сюзанне, чтобы она делала то же самое. Ты не мог бы уделить мне немного времени после обеда? Нам нужно кое-что обсудить.

Карсон напечатал:

Назовите время и место.

Девять часов, в кафетерии. Подойдет? До встречи.

Пытаясь понять, что потребовалось от него Сингеру, Карсон собрался отключить компьютер, но на экране появилась новая строка:

Осталось одно неп прочитанное сообщение. Хотите прочитать его сейчас? (Да или нет)

Карсон включил электронную почтовую систему «Джин-Дайн», и на экране появилось сообщение. «Наверное, это еще одно письмо от Сингера, который пытался понять, куда я подевался?» – подумал он.

Привет, Ги. Рад видеть, что ты на месте и действуешь.

Мне нравится то, что ты сделал с протокольными записями.

От твоей работы веет уверенностью победителя. Но тебе следует кое-что помнить: Фрэнк Барт был самым лучшим ученым из тех, кого я знал, но эта проблема одержала над ним верх. Так что будь скромнее.

Я знаю, что ты справишься и «Джин-Дайн» одержит победу, Ги.

Брент

* * *

В самом начале десятого Карсон взял себе стакан виски «Джим Бим» в баре и через раздвижную дверь вышел на террасу. Некоторое время назад помещение – с уютной атмосферой в кафетерии и досками для игры в шахматы и триктрак – заполнили работники лаборатории. Но сейчас в ней почти никого не осталось. Ветер стих, и дневная жара начала отступать. На террасе было пусто, и Карсон выбрал местечко вдалеке от белой громады здания. Он наслаждался дымным вкусом неразбавленного бурбона – привычка, которая появилась у него с тех пор, как он выпивал послеобеденный стаканчик из фляжки, расположившись перед костром на ранчо, – и наблюдал за последними лучами солнца, садившегося за далекими горами Фра-Кристоваль. На востоке и северо-востоке небо все еще сохраняло следы великолепного жемчужно-розового цвета.

Карсон откинул голову и на мгновение закрыл глаза, вдыхая напоенный острыми ароматами воздух пустыни, охлажденный закатом: смесь креозота, пыли и соли. Перед тем как уехать на восток, он замечал этот запах только после дождя. Но сейчас он для него был как откровение. Он снова открыл глаза и стал смотреть в огромный купол ночного неба, уже усыпанного сверкающими звездами: Скорпион, яркий и четкий на юге, Лебедь прямо над ним, а над всем – Млечный Путь.

Колдовское благоухание ночной пустыни в сочетании с хорошо знакомыми созвездиями разбудило тысячи воспоминаний, и он задумчиво потягивал свой бурбон.

Услышав шаги со стороны одного из переходов за кафетерием, Карсон отбросил посторонние мысли. Он решил, что это Сингер, который идет к нему из жилого комплекса. Но из темноты безмолвно появился не директор – тот был невысокого роста, – а мужчина выше шести футов в безупречном костюме, сшитом на заказ. Охотничья шляпа совсем не подходила к волосам, отливавшим серым металлическим блеском в холодных лучах

натриевых ламп, установленных вдоль дорожек. Длинные волосы незнакомца, собранные в хвост, струились между лопаток. Если он и заметил Карсона, то вида не подал и спокойно зашагал дальше мимо террасы в сторону центральной площади из известняка.

За спиной ученого послышался глухой стук, и он узнал голос Сингера.

– Красивый закат, – сказал директор. – Я ненавижу здешние дни, а вот ночи заставляют меня с ними мириться. Почти.

Он шагнул вперед, держа в руке чашку с дымящимся кофе.

– Кто это? – спросил Карсон, кивком показав на удаляющуюся фигуру.

Сингер несколько мгновений вглядывался в ночь, а потом нахмурился.

– Най, глава службы безопасности.

– Значит, это и есть Най, – проговорил Карсон. – А что он за птица? Он смотрится довольно странно в этом костюме и шляпе.

– Это еще мягко сказано. Я считаю, что он выглядит смешно. Но я не советую тебе с ним связываться. – Сингер подтащил стул и сел рядом с Карсоном. – Раньше он работал в атомном комплексе Уиндермира, в Англии. Помнишь несчастный случай, который там произошел? Ходили слухи о саботаже служащих, и так получилось, что Най, директор службы безопасности, стал козлом отпущения. Никто после этого не хотел иметь с ним дело, и ему пришлось искать работу где-то на Ближнем Востоке.

Но у Брента очень необычные представления о людях. Он посчитал, что Най, свято чтящий все правила, будет особенно осторожен после того, что с ним случилось, поэтому он нанял его в британское отделение «Джин-Дайн». Най оказался таким фанатиком мер безопасности, что Скоупс перевел его сюда, когда здешний комплекс только начал работать. С тех пор он тут. Никогда никуда не уезжает. Впрочем, это не совсем так. На выходных он часто отправляется в долгие прогулки верхом по пустыне. Иногда даже остается там на ночь, что у нас строго запрещено. Скоупс, естественно, об этом знает, но, похоже, он не против.

– Может, ему нравятся местные пейзажи, – предположил Карсон.

– Если честно, мне становится не по себе, когда я его вижу. На работе все охранники трепещут перед ним. Кроме Майка Марра, его заместителя. Похоже, они друзья. Но я думаю, такому комплексу, как наш, требуется собственный капитан Блай²¹ в роли главы службы безопасности.

Мгновение он молча смотрел на Карсона.

– Похоже, ты сильно разозлил Розалинду Брендон-Смит.

Карсон взглянул на Сингера и увидел, что директор снова улыбается, а в глазах у него пляшут веселые искорки.

– Я нажал не на ту кнопку интеркома, – сказал ученый.

– Я так и понял. Она подала жалобу.

Карсон выпрямился на своем стуле.

– Жалобу?

– Не волнуйся, – заговорив тише, успокоил его Сингер, – ты вступил в клуб, членом которого я тоже являюсь, а также почти все, кто здесь находится. Но правила требуют, чтобы я провел с тобой беседу. Это моя версия вызова на ковер. Хочешь еще выпить? – Он подмигнул. – Дело в том, что Брент очень высоко ценит гармонию в команде. Возможно, тебе придется извиниться.

– Извиниться? – Карсон почувствовал, как его охватывает гнев. – Это я должен подать на нее жалобу!

---

²¹ Уильям Блай – командир знаменитого корабля «Баунти». Во время плавания в южных морях в 1789 году команда, возмущенная жестокостью капитана, подняла бунт и высадила его вместе со сторонниками у одного из островов в Тихом океане.

Директор рассмеялся и поднял руку.

– Сначала докажи, что она тебя оскорбила, а потом жалуйся, сколько пожелаешь. –

Он встал и подошел к перилам. – Думаю, ты уже просмотрел лабораторный журнал Барта.

– Вчера утром. Знаете, это еще то произведение, – ответил Карсон.

– Да уж, – проговорил Сингер. – Повесть с трагическим концом. Но надеюсь, ты сумел понять, какой он человек. Мы были близкими друзьями. После его ухода я прочитал эти записи. Хотел понять, что произошло.

Карсон услышал искреннюю грусть в его словах.

Сингер пил кофе и смотрел на бескрайнюю пустыню.

– Это необычное место, мы необычные люди, и проект, над которым мы работаем, тоже необычный. Генетики мирового уровня пытаются решить задачу, научное значение которой трудно переоценить. Можно подумать, что все здесь должны думать только о высоком. Ничего подобного. Ты даже представить себе не можешь, какие мелкие склоки у нас случаются. Барт сумел подняться над всем этим. Надеюсь, ты тоже сможешь.

– Я постараюсь.

Карсон подумал о своем взрывном темпераменте и решил, что ему придется держать себя в руках, если он намерен жить в «Маунт-Дрэгон». Он уже получил двоих врагов, не прикладывая к этому никаких усилий.

– Brent с тобой связывался? – почти равнодушным тоном спросил директор.

Ученый колебался, пытаясь понять, читал ли Сингер электронное письмо, которое Скоупс прислал ему.

– Да, – ответил он.

– И что он написал?

– Несколько слов поддержки и предупреждение, чтобы я не слишком много о себе думал.

– Очень похоже на Brentа. Он из тех генеральных директоров, кто старается держать руку на пульсе, а X-грипп его любимый проект. Надеюсь, тебе нравится работать в аквариуме. – Он сделал еще глоток кофе. – Есть какие-нибудь проблемы с протеиновой оболочкой?

– Мне кажется, я с ней разобрался.

Сингер повернулся и посмотрел на него испытующим взглядом.

– В каком смысле?

Карсон встал и подошел к директору, стоящему около ограждения.

– Вчера я провел всю вторую половину дня, делая собственную экстраполяцию на основании записей Барта. Мне стало гораздо проще увидеть моменты удач и поражений, как только я отделил их от других его рассуждений. Доктор Барт очень близко подошел к решению проблемы, прежде чем потерял надежду и опустил руки. Он обнаружил активные рецепторы вируса X-гриппа, которые делали его смертоносным, а также комбинацию генов, кодирующих полипептиды таким образом, что они вызывают перепроизводство спинномозговой жидкости. Он сделал все самое сложное. Для своей диссертации я разработал технологию рекомбинации ДНК, в ней используется определенная длина волны дальней области ультрафиолетового спектра. Нам осталось только отсечь смертоносную цепочку генов специальным энзимом, активируемым ультрафиолетом, создать новую комбинацию ДНК – и готово. Все последующие поколения вируса будут безвредны.

– Но это еще не сделано, – заметил Сингер.

– Я проводил такой опыт по меньшей мере раз сто. Не с этим вирусом, разумеется, а с другими. Доктор Барт не знал об этом методе. Он пользовался более старым способом сплайсинга²² генов, который выглядит довольно грубым по сравнению с новым.

---

²² *Сплайсинг* – процесс «сшивки» кодирующих участков РНК после вырезания из первичной молекулы последователь-

– Кто про это знает? – спросил Сингер.

– Никто. Я только вчерне набросал план работ, но пока не проводил никаких экспериментов. Впрочем, я не вижу причин, по которым мы могли бы потерпеть неудачу.

Директор замер на месте, внимательно взглядываясь в лицо ученого. Затем он бросился вперед, схватил его правую руку и принялся энергично ее трясти.

– Фантастика! – возбужденно воскликнул он. – Поздравляю!

Карсон сделал шаг назад и прислонился спиной к перилам; его немного смутил энтузиазм Сингера.

– Ну, для поздравлений еще рано, – сказал он, вдруг засомневавшись, правильно ли поступил, что так рано поделился своими мыслями с начальником.

Но директор его не слушал.

– Я должен немедленно отправить электронное письмо Бренту, сообщить ему новость, – сказал он.

Карсон открыл рот, чтобы возразить, но тут же снова его закрыл, ведь только сегодня Скоупс предупредил его, чтобы он не забывал о скромности. Но интуиция подсказывала ему, что его метод принесет результаты. Работа над диссертацией это подтвердила множество раз. К тому же энтузиазм Сингера был приятным разнообразием по сравнению с сарказмом Брендон-Смит и холодным профессионализмом де Ваки. Карсон обнаружил, что ему нравится Сингер, этот лысеющий, полный, добродушный профессор из Калифорнии. Он был так мало похож на бюрократа и так забавно искренен. Карсон сделал еще глоток бурбона, окинул взглядом террасу, и у него загорелись глаза, когда он увидел старую гитару «мартин», принадлежавшую Сингеру.

– Вы играете на гитаре? – спросил он.

– Пытаюсь, – ответил тот. – В основном блюграсс²³.

– Вот почему вы спросили про мое банджо, – сказал Карсон. – Я им увлекся, когда слушал концерты в кафетериях Кембриджа. Играю я ужасно, но мне нравится уродовать великие произведения Скраггса, Рено, Кита и других богов банджо.

– Будь я проклят! – расплываясь в улыбке, вскричал Сингер. – Я и сам сейчас разучиваю ранние вещи Флэта и Скраггса. Ну, знаешь, «Shuckin' the Corn», «Foggy Mountain Special» и прочие. Нам следует вместе сбацать парочку. Иногда я сижу здесь на закате и перебираю струны. Естественно, вызываю у всех отвращение. Это одна из причин, почему тут в этот час так пусто.

Они встали. Ночь вступила в свои права, и воздух стал заметно прохладнее. За ограждением балкона Карсон слышал звуки, которые доносились со стороны жилого комплекса: шаги, обрывки разговоров, возникающие тут и там, иногда смех.

Они вошли в кафетерий – кокон света и тепла в бескрайней ночи пустыни.

* * *

Чарльз Левайн притормозил около «Риц-Карлтон», и его «форд фестиваля» тысяча девятьсот восьмидесятого года выпустил огромную тучу дыма, когда остановился у широких ступеней отеля. Швейцар двинулся к нему с нахальной медлительностью, не скрывая того, что машина и тот, кто сидит внутри, вызывают у него отвращение.

Не обращая на него внимания, профессор выбрался из автомобиля и остановился на покрытых красным ковром ступеньках, чтобы снять большой клоч собачьей шерсти со своего смокинга. Пес умер два месяца назад, но его шерсть еще была повсюду.

ностей, не несущих никакой генетической информации.

²³ *Блюграсс* – форма народной американской музыки.

Левайн поднялся по ступенькам, другой швейцар открыл перед ним позолоченные стеклянные двери, и ему навстречу поплыли изысканные звуки струнного квартета. Войдя, Левайн мгновение постоял, прищурившись, в ярком свете холла, но его тут же окружила группа репортеров и со всех сторон начали вспыхивать фотокамеры.

– Что такое? – спросил профессор.

Заметив его, к нему тут же подскочила Тони Уилер, консультант фонда Левайна по связям со средствами массовой информации. Отпихнув локтем репортера, она взяла профессора под руку. Ее каштановые волосы были тщательно уложены, костюм, сшитый на заказ, поражал строгостью, и она на все сто выглядела профессионалом по связям с общественностью: уравновешенная, изящная и беспринципная.

– Извините, Чарльз, – быстро проговорила она. – Я хотела вам сказать, но мы нигде не могли вас найти. У нас потрясающе важная новость. «Джин-Дайн»...

Левайн заметил знакомого репортера, и на его лице появилась широкая улыбка.

– Добрый вечер, Арти! – крикнул он, освобождаясь от Уилер и подняв обе руки вверх. – Рад видеть, что четвертая власть так активна. По одному, прошу вас! Тони, скажи им, пусть на время перестанут играть.

– Чарльз, пожалуйста, послушайте меня. Я только что узнала, что... – напряженно проговорила Уилер.

Ее голос утонул в громких вопросах журналистов.

– Профессор Левайн! – начал один из них. – Правда ли...

– Я сам выбираю, кто мне будет задавать вопросы, – перебил его Левайн. – А теперь успокойтесь, все. А вы, – он показал на женщину, стоящую в первом ряду, – начинайте.

– Профессор Левайн, – крикнула журналистка, – не могли бы вы подробнее рассказать об обвинениях, выдвинутых против «Джин-Дайн» в последнем номере «Генетической политики»? Говорят, вы начали личную войну против Брентвуда Скоупса...

Ее неожиданно перебила Уилер, и ее голос разрезал воздух, точно порыв ледяного ветра.

– Минуту, – резко проговорила она. – Эта пресс-конференция посвящена премии «В память холокоста», которую профессор Левайн должен получить, и не имеет никакого отношения к конфликту с «Джин-Дайн».

– Профессор, пожалуйста! – не обращая на нее внимания, выкрикнула журналистка.

Левайн наставил палец на другого репортера.

– Ты, Стивен, о, ты сбрил свои великолепные усы. Эстетическая ошибка с твоей стороны.

По толпе прокатился смех.

– Моей жене они не нравились, профессор. Они щекотали...

– Достаточно, не стоит продолжать.

Раздался новый взрыв хохота. Профессор поднял руку.

– Вопрос?

– Скоупс назвал вас, цитирую: «опасным фанатиком, инквизицией в лице одного человека, выступающей против медицинского чуда, каким является генная инженерия». Вы можете прокомментировать его слова?

Левайн улыбнулся.

– Да. Мистер Скоупс всегда умел красиво говорить. Но не более того. Это слова, наполненные «шумом и страстями»²⁴. Вы ведь все знаете, чем заканчивается эта строка.

---

²⁴ «...Это повесть, рассказанная дураком, где много и шума и страстей, но смысла нет». *Шекспир У. Макбет*. Перевод М. Лозинского.

– Он также сказал, что вы пытаетесь лишить множество людей медицинских достижений, которые дарит наука. Например, лечения болезни Тея – Сакса.

Профессор снова поднял руку.

– А это уже более серьезное обвинение. Я не говорю, что я против генной инженерии. Я возражаю против терапии зародышевых клеток. Вам известно, что существует два вида клеток: соматические и зародышевые. Первые умирают вместе с телом. Вторые – репродуктивные клетки – живут вечно.

– Я не очень понимаю...

– Дайте мне закончить. При использовании генной инженерии, если вы меняете ДНК соматических клеток человека, изменения умирают вместе с ним. Но если внести новые данные в ДНК зародышевых клеток – иными словами, в яйцеклетку или сперматозоид, – эти свойства будут унаследованы детьми. Получится, что ДНК человеческой расы навсегда станет другим. Вы понимаете, что это означает? Изменения в зародышевых клетках будут передаваться следующим поколениям. А это попытка вмешаться в то, что делает нас людьми. Насколько мне известно, «Джин-Дайн» именно этим и занимается в своем комплексе под названием «Маунт-Дрэгон».

– Профессор, я все равно не очень понимаю, почему вы так уверены, что это будет плохо...

Левайн вскинул вверх обе руки, и его бабочка сползла набок.

– Снова евгеника Гитлера! Сегодня я получаю награду за работу, которую проделал, чтобы память о холокосте не умерла. Я родился в концентрационном лагере. Мой отец умер от жестоких экспериментов Менгеле. Мне из первых рук известно, какое зло может нести в себе наука. И я стараюсь сделать так, чтобы вы об этом не узнали. Понимаете, одно дело найти способ лечить болезнь Тея – Сакса или гемофилию, но «Джин-Дайн» идет дальше. Они намерены «улучшить» человеческую расу, собираются найти способ сделать нас умнее, выше, красивее. Разве вы не видите, какое в этом заключено зло? Человечество не должно вмешиваться в подобные вещи. Это абсолютно неправильно.

– Но, профессор...

Левайн фыркнул и выставил вперед палец.

– Фред, пожалуйста, стоит позволить тебе задать вопрос, прежде чем ты вырастишь мышцы под мышками.

– Доктор Левайн, вы постоянно твердите, что правительство недостаточно регулирует исследования в области генной инженерии. А как же Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами?

Профессор нетерпеливо нахмурился и покачал головой.

– Они даже не требуют одобрения большинства генетически модифицированных продуктов. На полках магазинов лежат помидоры, клубника, стоит молоко и, разумеется, кукуруза с X-ржавчиной – все они генетически модифицированы. Как вы думаете, насколько тщательно их тестировали? В области медицинских исследований дела обстоят не лучше. Компании вроде «Джин-Дайн» могут делать практически все, что пожелают. Они внедряют человеческие гены в свиней и крыс, и даже в бактерии! Смешивают ДНК растений и животных, создавая новые чудовищные формы жизни. Они могут в любой момент случайно – или сознательно – получить новый патогенный вирус, который в состоянии уничтожить человеческую расу. Генная инженерия – самое опасное предприятие, в которое когда-либо пускались люди. Намного страшнее атомного оружия. Но никто почему-то не беспокоится об этом.

Снова поднялся крик, и Левайн указал на репортера впереди.

– Еще один вопрос. Ты, Мюррей, мне понравилась твоя статья, посвященная НАСА, которую на прошлой неделе напечатали в «Глоуб».

– У меня вопрос, ответ на который, уверен, интересует нас всех. Как вам это нравится?
– Что нравится?

– То, что «Джин-Дайн» подала в суд на вас и Гарвард, требуя компенсации в двести миллионов долларов, а также отзыва лицензии вашего фонда.

На мгновение наступила короткая тишина; профессор дважды моргнул, и все поняли, что он об этом не знал.

– Двести миллионов? – слегка ослабевшим голосом переспросил он.

Вперед выступила Тони Уилер.

– Доктор Левайн, – прошептала она, – именно это я и собиралась...

Он бросил на нее мимолетный взгляд и положил руку на плечо, заставив замолчать.

– Возможно, пришло время, чтобы наконец стала известна правда, – тихо сказал он и снова повернулся к толпе журналистов. – Давайте я расскажу вам кое-какие факты про Брента Скоупса и «Джин-Дайн», о которых вам неизвестно. Вероятно, вы все знаете, как мистер Скоупс создал свою фармацевтическую империю. Мы с ним вместе учились на последнем курсе Калифорнийского университета в Ирвайне. Мы были... – Левайн помолчал. – Близкими друзьями. Однажды на весенних каникулах он в одиночку отправился в поход в национальный парк Каньонлендс. Скоупс вернулся с горстью кукурузных зерен, найденных им в руинах поселения анасази. Ему удалось их прорастить. Затем он обнаружил, что древние семена невосприимчивы к страшной болезни под названием бурая ржавчина. Brent смог выделить ген иммунитета и ввести его в современную кукурузу, он назвал его «Х-ржавчина». Это легендарная история; я уверен, вы можете прочитать о ней в «Форбс». Но это не совсем так. Видите ли, Brent Скоупс сделал это не один. Мы работали вместе. Я помогал ему выделить новый ген и ввести в современный гибрид. Это было наше общее достижение, и мы получили авторское свидетельство. Но затем у нас возникли разногласия. Brent Скоупс хотел использовать патент, делать на нем деньги. Я же, напротив, собирался отдать наше изобретение миру бесплатно. Мы... скажем так, он одержал верх.

– Каким образом? – раздался чей-то голос.

– Это не важно, – резко ответил Левайн. – Главное в том, что Скоупс бросил учебу и вложил полученные им огромные средства в создание «Джин-Дайн». Я отказался иметь с ним какое бы то ни было дело – с деньгами, компанией и всем остальным. Я всегда считал это самым худшим видом эксплуатации. Но меньше чем через три месяца срок действия авторского свидетельства истекает. Чтобы «Джин-Дайн» смогла его продлить, его должны подписать два человека: я и мистер Скоупс. Я не стану это делать. И никакие угрозы или взятки не заставят меня изменить свое решение. Когда действие патента закончится, кукуруза, устойчивая к бурой ржавчине, станет достоянием общественности. Она будет принадлежать всему миру. Огромные доходы, которые «Джин-Дайн» получает каждый год, перестанут поступать в компанию. Мистер Скоупс это знает, но я не уверен, что данный факт известен финансовым рынкам. Возможно, аналитикам стоит еще раз внимательно изучить коэффициент «цена – прибыль» акций компании «Джин-Дайн». В любом случае я не сомневаюсь, что этот судебный иск не имеет никакого отношения к моей последней статье, посвященной «Джин-Дайн» и опубликованной в «Генетической политике». Таким способом Brent пытается заставить меня подписать бумаги на продление патента.

На мгновение воцарилась тишина, а затем ее разорвали громкие голоса.

– Но, доктор Левайн, – один голос перекрыл остальные крики, – вы так и не сказали, что собираетесь делать по поводу иска.

Мгновение профессор молчал, а затем расхохотался; его громкий, могучий смех разнесся по всему вестибюлю. Наконец он недоверчиво покачал головой, достал платок и высморкался.

– Ваш ответ, профессор? – настаивал репортер.

– Я только что дал вам ответ, – сказал Левайн, засовывая платок в карман. – А теперь, полагаю, мне пора получить мою награду.

Он помахал репортерам, улыбнулся на прощание, взял Тони Уилер под руку и направился через холл к открытым дверям банкетного зала.

* * *

Карсон стоял перед столом биопрофилактики в лаборатории «С», узкой и тесной, но освещенной так ярко, что у него болели глаза. Он быстро привыкал к бесконечным неудобствам, мелким и крупным, которые возникали при работе в биологически опасной среде: сыпи в тех местах, где защитный костюм касался обнаженных участков кожи; невозможности удобно сидеть на стуле; ноющим от многих часов медленных, осторожных движений мышцам.

Но хуже всего для Карсона было усиливающееся чувство клаустрофобии. В некоторой степени он всегда от нее страдал, объясняя это тем, что вырос на открытых пространствах пустыни. Но это замкнутое пространство он переносил с трудом. Он работал, а в памяти у него всплывала первая поездка в лифте в больнице Сакраменто, а еще он вспоминал три часа, которые провел однажды в остановившемся под Бойлстон-стрит поезде метро. Постоянным напоминанием об опасности для жизни стали бесконечные учения на тему, как следует себя вести при возникновении непредвиденных обстоятельств в гриппозном отсеке, и непрерывное повторение слов «фатальная ошибка»: несчастный случай, из-за которого в один прекрасный день заразится вся лаборатория и те, кто в ней работает. «По крайней мере, мне недолго осталось находиться тут», – думал Карсон. Естественно, если его идея насчет сплайсинга гена сработает.

До сих пор у него все получалось. Он множество раз делал это раньше, в Массачусетском технологическом институте, но сейчас все было иначе. Тут речь шла не об эксперименте для диссертации; он работал над проектом, который спасет бесчисленное множество жизней, и, возможно, им даже присудят за это открытие Нобелевскую премию. Кроме того, у него в распоряжении первоклассное оборудование, какого нет даже в самой лучшей лаборатории в Массачусетсе.

Это было легко. На самом деле элементарно.

Он пробормотал несколько слов, обращаясь к де Ваке, и она поставила одну пробирку в биопрофилактическую камеру. На дне пробирки лежала белая корка – кристаллизованный вирус Х-гриппа. Несмотря на невероятные меры предосторожности, связывавшие движения Карсона, он никак не мог осознать, что эта тонкая пленка белой субстанции является смертельно опасной. Сквозь прорезиненные отверстия ученый сунул в камеру руки, взял шприц, наполнил его средой, переносящей вирус, и легонько встряхнул пробирку. Кристаллизованная масса медленно распалась и растворилась, превратившись в мутный раствор живых частиц вируса.

– Посмотрите, – сказал он де Ваке. – Это нас всех прославит.

– Ага, точно, если только сначала не прикончит, – заявила она.

– Это же смешно. Здесь самая безопасная лаборатория в мире.

Ассистентка покачала головой.

– Я отвратительно себя чувствую, когда работаю с таким смертельно опасным вирусом. Несчастные случаи происходят везде.

– Какие, например?

– Представьте, что Brent, вместо того чтобы впасть в депрессию, задумал убийство. Он мог украсть емкость с этой дрянью, и тогда нас бы сегодня здесь не было, вот что я вам отвечаю.

Несколько мгновений Карсон смотрел на нее, раздумывая, что бы ответить, затем решил промолчать. Он уже понял, что спорить с де Вакой – пустая трата времени. Карсон отстегнул свой воздушный шланг.

– Давайте сходим в зоопарк.

Через общий интерком он предупредил техника и Филлсона, который ухаживал за животными, и они медленно зашагали по узкому коридору.

Филлсон встретил их за пределами вольера. Он сердито поглядывал на Карсона сквозь свой визор, словно был недоволен, что его заставляют работать. Когда дверь распахнулась, обезьяны начали жалобно кричать и стучать, просовывая мохнатые пальцы сквозь отверстия в сетке.

Смотритель прошел вдоль ряда клеток с палкой в руке, нанося удары по лапам. Крики стали громче, но угроза возымела действие, и пальцы скрылись внутри.

– Ой, – сказала де Вака.

Филлсон остановился и обернулся к ней.

– Что? – спросил он.

– Я сказала «ой». Вы очень сильно били их.

«Ну вот, – подумал Карсон, – началось».

Филлсон пару минут разглядывал ее, его мокрая нижняя губа шевелилась за стеклом визора. Затем смотритель отвернулся, достал из шкафа ту же канистру с помпой, которую Карсон уже видел в свой первый приход сюда, проковылял к клетке и направил струю внутрь. Он подождал несколько минут, пока успокоительное подействует, потом отпер дверцу и осторожно вынул из нее вялого шимпанзе.

Карсон подошел поближе, чтобы на него посмотреть. Оказалось, что это молодая самка. Она пискнула и подняла на него приоткрытые испуганные глаза, практически парализованная действием препарата. Филлсон привязал ее к маленьким носилкам и выкатил их в соседнее помещение. Карсон кивнул де Ваке, которая протянула лаборанту пробирку, упакованную в противоударный футляр из майлара²⁵.

– Как обычно, десять кубиков? – спросил лаборант.

– Да, – ответил ученый.

Он впервые руководил инъекцией и испытывал странную смесь предвкушения, сожаления и вины. Перейдя в соседнее помещение, он наблюдал за тем, как лаборант выбрил небольшой участок на предплечье животного и энергично смазал его бетацином. Обезьяна сонно наблюдала за происходящим, затем повернула голову и подмигнула Карсону. Он отвернулся.

К ним бесшумно подошла Розалинда Брендон-Смит, которая широко улыбнулась Филлсону и только затем с каменным лицом повернулась к Карсону. В ее обязанности входило следить за инъекциями шимпанзе, а также проводить вскрытие тех, которые умерли от отека мозга. До сих пор, насколько было известно Карсону, соотношение инъекций к вскрытиям составляло один к одному.

Шимпанзе даже не пошевелилась, когда иголка вошла в тело.

– Вы знаете, что должны ввести препарат двум особям, самцу и самке? – прозвучал в шлеме Карсона голос Брендон-Смит.

Ученый кивнул, не глядя на нее. Обезьяну увезли обратно в зоопарк, и вскоре смотритель вернулся с самцом. Он был еще меньше, совсем детеныш, с совиной, любопытной мордочкой.

– Господи, – проговорила де Вака. – Невозможное зрелище.

Филлсон сердито посмотрел на нее.

---

²⁵ *Майлар* – пленка на основе синтетического полиэфирного волокна.

– Не нужно их очеловечивать. Это всего лишь животные.

– Всего лишь животные, – пробормотала ассистентка. – Мы тоже, мистер Филлсон.

– Я уверен, что эти двое не умрут, – сказал ученый.

– Мне жаль вас разочаровывать, Карсон, – сказала Брендон-Смит с усмешкой, – но даже если ваш нейтрализованный вирус подействует, их все равно убьют и сделают вскрытие.

Она скрестила на груди руки и посмотрела на Филлсона, получив в ответ теплую улыбку.

Карсон взглянул на де Ваку и увидел, что на ее лице появились красные пятна – признак гнева – и выражение, которое становилось ему хорошо знакомым. Впрочем, она сохраняла молчание.

Лаборант воткнул иглу в предплечье самца шимпанзе и медленно ввел десять кубиков вируса Х-гриппа. Затем он вытащил иглу, прижал к ранке кусочек ваты и закрепил его пластырем.

– Когда мы узнаем результат? – спросил Карсон.

– В принципе, требуется две недели на появление симптомов, – ответила Брендон-Смит. – Хотя обычно все происходит гораздо быстрее. Мы берем кровь на анализ каждые двенадцать часов. Антитела, как правило, образуются в течение недели. Зараженные шимпанзе сразу отправляются в зону карантина, которая расположена за зоопарком.

Ученый кивнул.

– Вы будете держать меня в курсе? – спросил он.

– Разумеется, – ответила Брендон-Смит. – Но на вашем месте я бы не стала дожидаться результатов. Я бы приняла за данность, что эксперимент не удался, и продолжила работать дальше. В противном случае вы потеряете много времени.

Она вышла из комнаты. Карсон и его ассистентка отстегнули свои шланги и последовали за ней через люк и обратно к своим рабочим местам.

– Господи, какая задница, – сказала де Вака, когда они вошли в лабораторию «С».

– Кто? – спросил Карсон.

Он чувствовал, что его вывели из себя саркастические заявления Брендон-Смит, да и сама процедура инъекций тоже.

– Я не уверена, что мы имеем право так обращаться с подопытными, – сказала женщина. – Интересно, а их клетки отвечают федеральному закону о содержании животных?

– Все это довольно неприятно, – согласился Карсон. – Но наши эксперименты, возможно, спасут миллионы жизней. Это неизбежное зло.

– Хотела бы я знать, действительно ли Скоупс стремится спасти чужие жизни. Мне представляется, что его гораздо больше занимают деньги. Серьезные деньги.

Она потерла друг о друга пальцы в перчатках.

Карсон проигнорировал ее слова. Если она хочет говорить такие вещи по каналу интеркома, который записывается, и вылететь отсюда, что ж, это ее дело. Может быть, его следующий ассистент будет доброжелательнее.

Он вывел на экран изображение полипептида Х-гриппа и начал его вращать, пытаясь придумать другие способы нейтрализации. Но ему было трудно сосредоточиться, когда он считал, что уже решил задачу.

Открыв автоклав, де Вака принялась доставать стеклянные мензурки и пробирки и складывать их в дальнем конце лаборатории. Карсон всматривался в третичную структуру полипептида, состоящего из тысяч аминокислот. «Если бы удалось разорвать серные связи вот здесь, – подумал он, – мы могли бы развернуть активную боковую группу и сделать вирус безвредным». Но Барту это тоже наверняка приходило в голову. Он очистил экран и вывел на него данные своих тестов по диффракции протеиновой оболочки Х-гриппа. Уче-

ный больше ничего не мог сделать. Он позволил себе, всего на мгновение, предаться мыслям о похвалах, продвижении, восхищении руководства.

– Скоупс умно поступил, когда дал нам всем акции своей компании, – продолжала де Вака. – Это подавляет несогласие. Играет на жадности людей. Все хотят стать богатыми. Когда у тебя такая огромная международная компания...

Выхваченный из приятных размышлений ее словами, Карсон повернулся к ней.

– Если вы так настроены против, что, черт подери, вы тут делаете? – рявкнул он в интерком.

– Во-первых, я не знала, над чем мне предстояло работать. Предполагалось, что меня отправят в отделение медицины, но после того, как ушла ассистентка Барта, меня перевели сюда. Во-вторых, я коплю деньги на клинику для душевнобольных. Я хочу открыть ее в Аль-букерке. В пригороде.

Она подчеркнула слово «пригород», выговорив его с раскатистым «р» на манер мексиканцев испанского происхождения. Карсона это еще больше разозлило: получалось, будто она демонстрировала ему свое владение двумя языками. Он довольно прилично говорил на местном варианте испанского, но не собирался ей об этом сообщать, чтобы не давать повода для насмешек.

– А что вам известно про душевное здоровье?

– Я два года проучилась в медицинской школе, – ответила де Вака. – Хотела стать психиатром.

– И что произошло?

– Мне пришлось уйти. Не могла позволить себе с финансовой точки зрения.

Карсон пару минут обдумывал ее слова. «Пришла пора поставить тварь на место», – решил он.

– Чушь, – сказал он.

Молчание, которое повисло между ними, было пронизано электричеством.

– Чушь, *sabrón*?

Она подошла к нему ближе.

– Да, чушь. С именем Кабеса де Вака вы могли получить полную стипендию. Слышали когда-нибудь о предоставлении преимущественных прав?²⁶

Наступило долгое молчание.

– Я пошла работать, чтобы мой муж мог закончить медицинскую школу, – сердито ответила женщина. – А когда наступила моя очередь, он со мной развелся, *canalla*²⁷. Я пропустила больше семестра, а если учишься в медицинской школе... – Она замолчала. – Не понимаю, почему я трачу силы и оправдываюсь перед вами.

Ученый молчал, в очередной раз жалея, что позволил втянуть себя в спор.

– Да, я могла получить стипендию, но не благодаря имени. А потому, что имела по пятнадцать баллов во всех трех разделах вступительного теста, черт возьми.

Карсон не мог поверить в такой безупречный результат, но усилием воли заставил себя промолчать.

– Вы думаете, я несчастная тупая идиотка, которой требуется испанское имя, чтобы ее приняли в медицинскую школу?

«Черт, – подумал Карсон, – и зачем только я все это начал?» Он снова повернулся к своему терминалу, надеясь, что, если он не станет обращать на нее внимание, она уйдет.

---

²⁶ Предоставление преимущественных прав – политическая программа, направленная на ликвидацию расовой дискриминации.

²⁷ Мерзавец (*исп.*).

Неожиданно он почувствовал, что его комбинезон сжала рука, под которой резиновый материал превратился в шарик.

– Отвечай, sabgón.

Карсон протестующе поднял руку, когда давление внутри защитного костюма начало повышаться.

Неожиданно на пороге появилась могучая фигура Брендон-Смит, и в интеркоме послышался ее лающий смех.

– Прошу меня простить за то, что мешаю вам, голубки, но я хочу сказать, что шимпанзе А-двадцать один и Зет-девять вернулись в свои клетки, пришли в себя и выглядят здоровыми. По крайней мере, пока.

Она резко развернулась и неуклюже удалилась.

Де Вака открыла рот, словно собиралась ей ответить, но затем выпустила костюм Карсона, отошла в сторону и ухмыльнулась.

– Мне на мгновение показалось, что вы испугались.

Ученый посмотрел на нее, напоминая себе, что напряжение и злоба, в которую впадают все, кто связан с гриппозным отсеком, – это часть работы. Он уже начал понимать, что свело с ума Барта. Если он сумеет сосредоточиться и думать только о главной цели, через шесть месяцев так или иначе все закончится.

Он отвернулся к экрану и повернул молекулу еще на сто двадцать градусов, пытаясь найти слабые места. Де Вака снова принялась доставать оборудование из автоклава. В лаборатории опять воцарилась тишина. На мгновение Карсону стало интересно, что случилось с мужем де Ваки.

* * *

Карсон проснулся перед самым рассветом и сонно посмотрел на электронный календарь на стене около кровати: суббота, день ежегодного Пикника бомбы. Как объяснил ему Сингер, эта традиция возникла в те дни, когда лаборатория занималась исследованиями для армии. Раз в год было принято устраивать поход к старому полигону «Тринити», где в тысяча девятьсот сорок пятом году произвели первый атомный взрыв.

Карсон встал, чтобы сварить себе чашку кофе. Он любил тихие утренние часы в пустыне, и ему меньше всего хотелось вести пустые разговоры в кафетерии. Через три дня после приезда он перестал пить безвкусный кофе, который там подавали.

Он открыл шкафчик и достал эмалированный кофейник, немало повидавший на своем веку. Старая пара шпор и жестяной кофейник были среди тех немногих вещей, что он взял с собой в Кембридж, и оказались единственными предметами, доставшимися ему после того, как банк продал их ранчо с аукциона. Кофейник был его спутником во время походов, около утренних костров на ранчо, и Карсон испытывал к нему почти суеверную любовь. Он повертел его в руках. Внешняя поверхность была черной, покрытой коркой сажи, закаленной в огне, которую не содрать даже охотничьим ножом. Внутри еще сохранилась веселенькая синяя эмаль с белыми пятнышками и большой вмятиной на боку в том месте, где старый конь Карсона Уивер сбросил его копытом с огня однажды утром. Ручка была помята – тоже Уивер постарался. Карсон вспомнил невыносимо жаркий день, когда его конь с двумя седельными сумками на спине валялся в балке Уэко. Карсон покачал головой. Уивера забрали вместе с ранчо; обычный мексиканский конь, стоящий максимум пару сотен долларов. Вполне возможно, что его сразу же отправили к скупщику старых лошадей.

Карсон налил в кофейник воды, бросил туда две пригоршни кофе и поставил на плиту, встроенную в соседнюю консоль. Перед тем как напиток закипел, Карсон снял его с огня, добавил немного холодной воды, чтобы гуща осела, и снова поставил на конфорку.

Это был идеальный способ готовить кофе – намного лучше дурацких фильтров, поршней и столь любимых в Кембридже кофейных автоматов за пятьсот долларов, варивших эспрессо. Этот кофе обладал вкусом и бодрил по-настоящему. Он вспомнил, как его отец говорил, что кофе не готов, пока на поверхности не держится подкова.

Наливая кофе, Карсон замер, увидев свое отражение в зеркале, которое висело над рабочим столом. Он нахмурился, вспомнив, с каким сомнением посмотрела на него де Вака, когда он сказал, что он англоамериканец. В Кембридже женщины нередко находили нечто экзотическое в его черных глазах и орлином носе. Иногда он рассказывал им про Кита Карсона. Но никому не говорил, что его предки по матери были из южных юта. То, что он продолжал это скрывать, раздражало, хотя после школы, где его дразнили полукровкой, прошло много лет.

Карсон помнил своего двоюродного дедушку Чарли. Несмотря на то что он был наполовину белым, он выглядел как чистокровный индеец и даже говорил на языке юта. Чарли умер, когда Карсону было девять, но он не забыл худого человека, который сидел у камина в кресле-качалке, тихонько посмеивался каким-то своим мыслям, курил сигары и сплевывал крошки табака в огонь. Он рассказывал множество историй про индейцев, по большей части про то, как они разыскивали пропавших лошадей или воровали скот у ненавистных навахо. Карсон мог слушать его, только когда поблизости не оказывалось родителей; иначе они прогоняли его и принимались ругать старика за то, что он морочит голову мальчишке своими глупостями.

Отец не любил Чарли и часто возмущался его длинными волосами, которые старик отказывался стричь, заявляя, что это приведет к тому, что будет меньше дождей. А еще Карсон однажды слышал, как отец сказал матери, что Бог дал их сыну «нечто большее, чем кровь юта».

Ученый пил кофе маленькими глотками и смотрел в окно, рассеянно потирая спину. Его комната находилась на втором этаже жилого здания, и из нее открывался вид на конюшни, механическую мастерскую и ограду, идущую вокруг комплекса. Дальше простиралась бесконечная пустыня.

Он поморщился, когда его пальцы коснулись ранки у основания спины, где вчера ему делали спинномозговую пункцию. Еще одно неудобство работы в лаборатории пятого уровня – обязательные еженедельные обследования состояния здоровья. Очередное напоминание об опасности заражения, которая грозила всем в «Маунт-Дрэгон».

Пикник бомбы был первым выходным Карсона после того, как он приехал сюда. Он обнаружил, что инъекции шимпанзе нейтрализованного им вируса – всего лишь первая часть задачи. Хотя Карсон объяснил, что решение, которое он нашел, единственно возможное, Скоупс настоял на двух дополнительных сериях прививок, чтобы минимизировать шансы на ошибку. В данный момент Х-грипп ввели шести животным. Если они выживут, следующий тест должен показать, получили ли они иммунитет к гриппу.

Карсон наблюдал из окна, как двое рабочих подкатили большой оцинкованный резервуар для воды к пикапу «Форд#350» и принялись затаскивать его в кузов. Водовоз приехал чуть раньше и стоял со включенным двигателем на стоянке для машин, окутанный дизельным выхлопом – водитель поленился заглушить мотор. Небо было безоблачным – дожди конца лета начнутся еще через несколько недель, – и далекие горы сияли, словно аметисты, в утреннем свете.

Допив кофе и спустившись вниз, Карсон увидел, что около пикапа стоит Сингер и громким голосом командует рабочими. Он был в пляжных сандалиях и бермудах. Свободная рубашка пастельных тонов прикрывала солидное брюшко.

– Я вижу, вы уже готовы ехать, – сказал Карсон.

Директор посмотрел на него сквозь старые солнечные очки «рэй-бэн».

– Я с нетерпением жду этого дня целый год, – ответил он. – А где твои плавки?

– Под джинсами.

– Почувствуй настроение дня, Ги! Ты выглядишь так, словно собираешься загонять скот, а не провести день на пляже. – Он снова повернулся к рабочим. – Мы отъезжаем ровно в восемь, так что шевелитесь. Пригоните сюда «хаммеры» и загружайте их.

Другие ученые, лаборанты и рабочие стекались к стоянке с пляжными сумками и складными стульями в руках.

– А как это все вообще началось? – спросил Карсон, глядя на них.

– Не помню, чья это была идея, – сказал Сингер. – Правительство открывает для публики доступ на полигон «Тринити» раз в год. Как-то раз мы спросили, можем ли мы сами туда съездить, и они разрешили. Потом возникла мысль: устроить пикник с волейболом и холодным пивом. И тут кто-то заявил, что просто возмутительно, что мы не можем прихватить с собой океан. Вот тогда-то и придумали использовать резервуар, в котором возят воду для скота. Гениальная мысль!

– И никто не боится радиации? – спросил Карсон.

Сингер фыркнул.

– Радиации уже не осталось. Но мы все равно берем с собой счетчики Гейгера, чтобы особо нервные чувствовали себя спокойно. – Он поднял голову, услышав шум приближающихся машин. – Идем, можешь поехать со мной.

Вскоре дюжина «хаммеров» с опущенным верхом катила по едва различимой грунтовой дороге, которая уносилась к горизонту, точно стрела. Водовоз замыкал колонну, окутанный густыми клубами пыли.

Через час Сингер остановил первую машину.

– Эпицентр взрыва, – сказал он Карсону.

– Откуда вы знаете? – спросил тот, оглядывая пустыню.

На западе высились Сьерра-Оскура: сухие, голые пустынные горы с торчащими тут и там неровными осадочными породами. Это было безлюдное место, но не более чем вся остальная Хорнада.

Сингер показал на ржавую балку, торчащую на несколько футов из земли.

– Все, что осталось от башни, в которой хранили бомбу. Если посмотришь внимательнее, то увидишь, что мы находимся в небольшом углублении, возникшем после взрыва. А вон там находился один из постов технического наблюдения.

Он показал на холм и разрушенные бункеры.

– Пикник будет здесь? – с сомнением спросил Карсон.

– Нет, мы проедем еще полмили, – ответил Сингер. – Местность там симпатичнее. Немного, по крайней мере.

«Хаммеры» остановились на песчаной площадке, лишенной какой бы то ни было растительности – ни кактусов, ни кустов. Одинокая дюна, которую удерживали на месте заросли сизой юкки, поднималась над голым пространством пустыни. Пока рабочие снимали с пикапа емкость для воды, ученые начали занимать места на песке, расставляли стулья и зонты, доставали холодильники. Сбоку установили волейбольную сетку. Около резервуара поставили деревянную лестницу; затем водовоз подъехал к его краю и начал наполнять водой. Из портативного радиоприемника слышалось пение «Beach boys».

Карсон стоял в стороне, наблюдая за происходящим. Большую часть времени он провел в лаборатории «С» и до сих пор не знал имен своих коллег. Многие ученые уже заканчивали свои контракты и проработали вместе около шести месяцев. Оглядевшись по сторонам, он с облегчением заметил, что Брендон-Смит, очевидно, осталась дома, наслаждаясь прохладой кондиционеров. Накануне днем он зашел в ее кабинет, чтобы спросить о шимпанзе, и она чуть не оторвала ему голову за то, что он нечаянно нарушил порядок среди рас-

ставленных на краю стола безделушек. «Вот и отлично», – подумал он, когда перед глазами у него возник непрощенный образ Брендон-Смит в купальнике.

Сингер увидел его и помахал рукой, подзывая к себе. Рядом с ним сидели двое ученых, которых Карсон едва знал.

– Ты знаком с Джорджем Харпером? – спросил Сингер у Карсона.

Харпер добродушно усмехнулся и протянул руку.

– Мы пару раз сталкивались в гриппозном отсеке, – сказал он. – В прямом смысле слова. Два защитных костюма, путешествующие в ночи. И разумеется, я слышал вашу чудесную характеристику доктора Брендон-Смит.

Харпер был высокого роста, с редкими каштановыми волосами и длинным крючковатым носом.

Карсон поморщился.

– Я всего лишь проверял, как работает коммуникатор на общую связь.

Харпер рассмеялся.

– Все на пять минут прекратили работать и отключили свои интеркомы, чтобы, ну... – Он посмотрел на Сингера. – Откашляться.

– Перестань, Джордж. – Директор улыбнулся и показал на другого ученого. – Это Эндрю Вандервэгон.

Вандервэгон, в консервативных плавках, сидел, опрометчиво подставив солнцу свою бледную впалую грудь. Он поднялся и снял очки.

– Привет, – сказал он и пожал Карсону руку. – Как поживаете?

Он был невысоким, худым и с очень прямой спиной; голубые глаза цветом напоминали выгоревшую на солнце джинсовую ткань. Карсон видел его в «Маунт-Дрэгон» в костюме с галстуком и в черных ботинках.

– Я из Техаса, – сказал Харпер с южным акцентом. – Так что я не должен вставать. Мы все плохо воспитаны, а вот Эндрю у нас из Коннектикута.

Вандервэгон кивнул в ответ.

– Харпер встает, только когда бык наложит кучу около его ног.

– Ничего подобного, – возмутился Харпер. – Я отпихиваю ее в сторону носком сапога.

Карсон сел на раскладной стул, который ему дал Сингер. Солнце безжалостно палило. Он услышал крики, потом плеск воды – люди взбирались по ступенькам лестницы и прыгали в резервуар. Оглянувшись, он увидел Ная, главу службы безопасности, который сидел под зонтом в стороне от остальных и читал «Нью-Йорк таймс».

– Странный тип, совсем как выхолощенная телка, – сказал Харпер, проследив за взглядом Карсона. – Вы только посмотрите на него, сидит в своем проклятом костюме «Сэвил роу», а сейчас уже, наверное, градусов тридцать пять.

– А зачем он поехал? – спросил Карсон.

– Чтобы следить за нами, – ответил Вандервэгон.

– Что мы можем сделать опасного? – поинтересовался Карсон.

– Ну, Ги, разве вы не знаете? – рассмеявшись, спросил Харпер. – В любой момент каждый из нас может угнать «хаммер», поехать в Радиум-Спрингс и вылить капельку Х-гриппа в Рио-Гранде. Просто чтобы пошутить.

Сингер нахмурился.

– Это не смешно, Джордж.

– Он, как офицер КГБ, всегда начеку, – сказал Вандервэгон. – Не уезжал отсюда с восемьдесят шестого года, и, думаю, это подействовало на его мозги. Меня не удивит, если он поставил прослушивающие устройства в наши комнаты.

– И у него здесь нет друзей? – спросил Карсон.

– Друзей? – приподняв брови, повторил Вандервэгон. – Я, по крайней мере, об этом ничего не знаю. Если не считать Майка Марра. Родных у него тоже нет.

– И что же он делает целыми днями?

– Ходит по комплексу со своим хвостиком и в дурацкой шляпе, – ответил Харпер. – Вы бы видели ребят из охраны, когда он оказывается поблизости. Они приседают и стелются перед ним, как свиньи, жрущие орехи.

Вандервэгон и Сингер громко расхохотались. Карсон немного удивился, что директор «Маунт-Дрэгон» смеется над главой своей службы безопасности.

Харпер откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и вздохнул.

– Значит, вы из этих мест, – сказал он, кивнув в сторону Карсона и не открывая глаз. – Может, расскажете нам про золото Мондрагона?

Вандервэгон застонал.

– Про что? – спросил Карсон.

Все трое удивленно повернулись к нему.

– Ты не знаешь этой истории? – спросил Сингер. – А еще говоришь, что ты из Нью-Мексико! – Он засунул в холодильник обе руки и достал несколько бутылок с пивом. – Это требуется запить. – Он передал бутылки по кругу.

– О нет! Неужели нам снова придется выслушать эту легенду? – проговорил Вандервэгон.

– Карсон ее не знает, – запротестовал Харпер.

– Предание гласит, – начал Сингер и с улыбкой посмотрел на Вандервэгона, – что богатый купец по имени Мондрагон жил неподалеку от древнего Санта-Фе в конце семнадцатого века. Инквизиция обвинила его в колдовстве и заключила в тюрьму. Мондрагон знал, что ему грозит смерть, и сумел бежать с помощью своего слуги Эстеванико. Мондрагону принадлежало несколько рудников в горах Сангре-де-Кристо, где работали рабы-индейцы. Говорят, это были очень богатые копи, возможно золотые. Итак, когда он ускользнул от инквизиции, то тайно вернулся на свою гасиенду, выкопал золото, нагрузил его на мула и ушел вместе со своим слугой по Королевской дороге. Двести фунтов золота, больше один мул унести не мог. Через два дня, проведенных в пустыне Хорнада, у них закончилась вода. Поэтому купец отправил Эстеванико вперед с бутылью из тыквы, чтобы пополнить запас, а сам остался ждать с одной лошастью и мулом. Слуга нашел воду в роднике примерно в дне пути впереди и поспешил назад. Но когда он вернулся на то место, где его должен был ждать Мондрагон, оказалось, что тот исчез.

– Когда инквизиция узнала о том, что произошло, – продолжал рассказ Харпер, – они пошли за ним по следу. Примерно через пять недель у самого основания горы Дракона они обнаружили лошадь, привязанную к шесту, мертвую. Она принадлежала Мондрагону.

– Около горы Дракона? – спросил Карсон.

Сингер кивнул.

– Королевская дорога, или Испанский путь, проходила как раз по территории, где находятся наши лаборатории, и вокруг подошвы горы Дракона.

– Так вот, – продолжал Харпер. – Они повсюду искали Мондрагона. Примерно в пятидесяти ярдах от мертвой лошади они обнаружили на земле его дорогой камзол. Но, несмотря на все их старания, им так и не удалось найти ни тело купца, ни мула, нагруженного золотом. Священник окропил святой водой основание горы, чтобы очистить ее от зла Мондрагона, а на вершине поставили крест. Это место стало называться Ла-Круз-де-Мондрагон, Крест Мондрагона. Позже, когда по Испанскому пути пришли американские торговцы, они упростили имя до Маунт-Дрэгон²⁸.

---

²⁸ Маунт-Дрэгон (англ.) – гора Дракона.

Харпер допил свое пиво и с удовольствием выдохнул.

– Когда я рос, я слышал множество историй про спрятанные сокровища, – сказал Карсон. – Их столько же, сколько крапчато-голубых кунхаундов-краснопятчинок, но все они – сплошная выдумка.

Харпер рассмеялся.

– Крапчато-голубой кунхаунд-краснопятчинок! Здесь появился еще один человек с чувством юмора.

– А что такое краснопятчинок? – спросил Вандервэгон.

Харпер засмеялся еще громче.

– Эндрю, ты бедный невежественный янки. Это собака, которую используют, чтобы загонять скот. Она охотится на пятки животных, поэтому ее называют краснопятчинок. Это как будто стреноживаешь теленка веревкой. – И он изобразил, что бросает лассо, а затем посмотрел на Карсона. – Я рад, что среди нас появился не очередной зеленый новичок.

Карсон ухмыльнулся.

– Когда я был ребенком, мы искали затерянные раскопки Адамса. Считается, что в нашем штате зарытого золота больше, чем в Форт-Ноксе. Если, конечно, верить всем историям.

Вандервэгон фыркнул.

– Вот ключ ко всему: если в них верить. Харпер из Техаса, где главной индустрией является производство и распространение дерьма. Ладно, думаю, пора испускаться.

Он воткнул бутылку с пивом в песок и встал.

– Я с тобой, – сказал Харпер.

– Идем, Ги! – позвал его Сингер, который поспешил за учеными, на ходу стаскивая рубашку.

– Я догоню вас через минуту, – ответил Карсон, наблюдая за тем, как они взобрались по деревянной лестнице и, подталкивая друг друга, прыгнули в огромный резервуар.

Он допил пиво и отставил в сторону пустую бутылку, раздумывая над сюрреалистичностью происходящего: он сидит посреди пустыни Хорнада-дель#Муэрто, примерно в миле от эпицентра ядерного взрыва, и любуется тем, как несколько самых блестящих биологов мира, точно дети, плещутся в баке, в котором перевозят воду для скота. Впрочем, именно нереальность этого места действовала на него как наркотик. Наверное, так себя чувствовали те, кто работал над «Манхэттенским проектом»²⁹. Он стащил джинсы и рубашку и, закрыв глаза, лег на спину, впервые за последние дни чувствуя, что расслабляется.

Через несколько минут безжалостная жара заставила его пошевелиться, и он сел, а затем засунул в холодильник руку, чтобы достать новую бутылку пива. Когда он ее открыл, то услышал смех де Ваки, который перекрыл остальные голоса. Она стояла у бортика резервуара с водой, откинув с лица волосы, и разговаривала с какими-то лаборантами. Белый купальник резко контрастировал с ее смуглой кожей. Возможно, она и заметила Карсона, но не подала виду.

В этот момент к их группе подошел еще один человек. Его прихрамывающая походка показалась Карсону знакомой, а в следующее мгновение он узнал Майка Марра, заместителя главы службы безопасности. Откинув назад голову, он заговорил с де Вакой, и Карсон увидел его широкую ленивую ухмылку. Неожиданно он подошел к ней совсем близко и что-то прошептал на ухо. Лицо женщины тут же потемнело, и она резко от него отодвинулась. Марр снова заговорил, и де Вака вlepила ему звонкую пощечину. Звук получился таким

---

²⁹ «Манхэттенский проект» – кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которой началось 17 сентября 1943 года. В проекте принимали участие ученые из США, Великобритании, Германии и Канады.

громким, что он долетел по песку до Карсона. Охранник дернулся назад, и его черная ковбойская шляпа упала в пыль. Когда он наклонился, чтобы ее поднять, ассистентка что-то быстро ему сказала, презрительно искривив губы. И хотя Карсон не слышал ее слов, группа лаборантов разразилась дружным хохотом.

На лице Марра появилось неприятное выражение, он прищурил глаза, и добродушная, легкая улыбка мгновенно исчезла. Не сводя глаз с де Ваки, он демонстративно надел на голову свою шляпу, затем быстро развернулся на каблуках и отошел в сторону.

– Горячая штучка! – фыркнув, сказал Сингер, который вернулся вместе с остальными и заметил, куда смотрит Карсон.

Он догадался, что директор не видел, что произошло, и просто отреагировал на его взгляд.

– Сначала она приехала к нам, чтобы работать на медицинском отделении, за неделю до тебя. Но потом от нас ушла Майра Резник, ассистентка Барта. Учитывая ее весьма впечатляющий послужной список, я решил, что Сюзанна будет для тебя прекрасным ассистентом. Надеюсь, я не ошибся.

Он бросил маленький камешек на колени Карсону.

– Что это?

Камешек был зеленым и слегка прозрачным.

– Ядерное стекло, – пояснил Сингер. – Бомба Тринити расплавил песок около эпицентра взрыва, после него осталась корка из этого вещества. По большей части оно рассыпалось. Но иногда удается найти кусочек.

– А он радиоактивный? – спросил Карсон, с опаской держа камешек.

– На самом деле нет.

– На самом деле нет! – громко расхохотался Харпер и принялся мизинцем доставать воду из уха. – Если вы собираетесь в будущем завести детей, держите эту штуку подальше от своих половых желез.

Вандервэгон покачал головой.

– Ты вульгарная деревенщина, Харпер.

Сингер повернулся к нему.

– Они лучшие друзья, но, глядя на них, этого в жизни не скажешь.

– А как вы стали работать на «Джин-Дайн»? – спросил Карсон и бросил камешек директору.

– Я был профессором биологии в Мортоне, в Калифорнийском технологическом институте, и считал, что добился вершин в своей профессиональной деятельности, но тут появился Brent Скоупс и сделал мне предложение. – Сингер покачал головой, вспоминая. – «Маунт-Дрэгон» переходил в ведение гражданских, и Brent хотел, чтобы я его возглавил.

– Довольно резкая перемена, после академической карьеры, – заметил Карсон.

– Мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть, – сказал Сингер. – Я всегда смотрел на частное предпринимательство свысока. Но вскоре понял, какой силой обладает рынок. Мы здесь делаем удивительные вещи, но не потому, что мы умнее, просто у нас больше денег. Ни один университет не мог бы себе позволить содержать «Маунт-Дрэгон». А потенциальная прибыль намного превышает затраты. В Калифорнии я занимался теоретическими исследованиями конъюгации³⁰ бактерий. Теперь же имею непосредственное отношение к суперсовременным разработкам, которые, возможно, спасут миллионы жизней. – Он допил свое пиво. – Я стал новообращенным.

---

³⁰ *Конъюгация* – однонаправленный перенос части генетического материала при непосредственном контакте двух бактериальных клеток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.